Мартиросян А.Б.
Заговор маршалов. Британская разведка против СССР

Аннотация

Нетрудно предвидеть, какой взрыв эмоций может вызвать уже эта, первая из трилогии единого концептуального замысла — «Геополитика и разведка Сталина» — книга под названием «Заговор маршалов. Британская разведка против России».

Она вступает в противоречие со всеми доселе считавшимися едва ли не абсолютной истиной оценками этого крупнейшего политического дела 1937 года. Содержание книги, опираясь на совпадение множества фактов, выстраивающее их во взаимосвязанную цепь дотоле неведомых, а потому и невидимых событий и процессов, приводит к уникальному выводу: как это ни парадоксально, но заговор маршалов неминуемо, неизбежно был обречен изначально, причем как минимум трижды!

Мартиросян А.Б.

Заговор маршалов. Британская разведка против СССР

Вместо пролога

Однажды Бог как будто ненароком,
К тому ж отнюдь не наугад,
Назвал Историю Разведкой,
Разведывающей назад…1

Нетрудно предвидеть, какой взрыв эмоций может вызвать уже эта, первая из трилогии единого концептуального замысла — «Геополитика и разведка Сталина» — книга под названием «Заговор маршалов. Британская разведка против России».

Она вступает в противоречие со всеми доселе считавшимися едва ли не абсолютной истиной оценками этого крупнейшего политического дела 1937 года. Содержание книги, опираясь на совпадение множества фактов, выстраивающее их во взаимосвязанную цепь дотоле неведомых, а потому и невидимых событий и процессов, приводит к уникальному выводу: как это ни парадоксально, но заговор маршалов неминуемо, неизбежно был обречен изначально, причем как минимум трижды!

…

Во— первых -обречен на неизбежное зарождение. Причем как неотъемлемая составная часть военно-геополитического по сути и характеру «двойного заговора», как партнер в «дуэте» с заговором реваншистски настроенных германских генералов, возникшим задолго до привода Гитлера к власти. Этот заговор, вследствие антизападного (антибританского) характера германского «партнера», прямо в исходной точке перерос в «тройной», т.е. с участием экспансионистски настроенных кругов Японии.

Но и германская часть «двойного заговора» также была обречена на зарождение, как реакция германского милитаризма на тотальное военное поражение в Первой мировой войне и беспрецедентное в истории национальное унижение Германии по так называемому Версальскому мирному договору, якобы завершившему первую в XX веке всемирную бойню.

В обоих случаях эта уникальная своей исторической предопределенностью неминуемая

неизбежность обладала своей, весьма специфической логикой геополитического характера.

Во— вторых -на неизбежный провал именно как неотъемлемая часть «тройного заговора». Сколь бы парадоксально не выглядело нижеследующее, но все дело в том, что британская разведка приступила к его разоблачению… почти за 20 лет до того, как он едва не стал реальностью!… Да-да, именно за двадцать лет, когда ни о каких тухачевских, уборевичах, якирах, гамарниках и т.п. даже среди дорвавшихся до власти в огромной стране коммунистов еще никто ничего не знал, когда даже о Сталине еще мало кто и что слышал даже в узком кругу высшей партийной элиты, а уж о Гитлере с его подручными и вообще о нацизме — и вовсе не было никакой даже тени намека. Потому, что:

— Еще за 20 лет до этого британская разведка и особенно высшее руководство Британской империи уже полностью осознавали и отдавали себе отчет не только в том, что подобный заговор — вне зависимости от конкретных форм его проявления и участников — принципиально возможен, но и реален, причем в ближайшей перспективе, что, кстати говоря, чрезвычайно быстро и подтвердилось на практике. А это даже в теории, не говоря уже о практике, представляет колоссальную угрозу высшим национальным интересам Великобритании. И уж если быть до конца точным, это осознание в полной мере присутствовало в консолидированном имперском интеллекте руководства Британской империи как минимум с начала последнего десятилетия еще XIX века.

— Еще за 20 лет до этого, руководствуясь мощными многовековыми геополитическими инстинктами самосохранения, британская разведка обрела беспрецедентно уникальный, феноменальный — даже на фоне ее богатейшего многовекового опыта — опыт и навыки превентивной ликвидации чужими руками и под чужим флагом подобного заговора с далеко идущими, крайне негативными для Великобритании геополитическими последствиями. С того момента британская разведка уже ни на секунду не выпускала из поля своего зрения даже тень намека на любую, пусть даже и гипотетическую, возможность возникновения подобной угрозы и последовательно отслеживала всю ситуацию.

— Еще за 20 лет до этого британская разведка оказалась причастна к совершению т.н. февральской революции 1917 года в России, а «заговор маршалов» и особенно то, как изощренно искусно британская разведка его сдала, есть повтор (если вообще не плагиат) «февральской революции».

— Еще за 20 лет до этого, и тем более через 20 лет после этого, было совершенно очевидно, что подлинной целью Великобритании было создание максимально благоприятных в ее понимании, но не влекущих для нее персональной ответственности за откровенный международный бандитизм условий для абсолютного уничтожения России как государства, вне какой-либо зависимости от существующего в ней строя, но особенно как единственной в мире подлинно трансконтинентальной, единой евразийской державы, уже одним только фактом своего присутствия на географической карте мира бросающей вызов пресловутому принципу британской внешней политики, уже более пяти веков известному как «баланс сил».

— Еще за 20 лет до этого, и тем более через 20 лет после этого, был совершенно очевиден почерк британской разведки как послушного инструмента внешней политики Великобритании, откровенно действовавшей во имя достижения вышеуказанной цели за счет создания максимально благоприятных в ее понимании, но не влекущих персонально для нее никакой ответственности наподобие Нюрнбергского трибунала, для развязывания чужими руками новой мировой войны в целях гарантированного уничтожения России.

В— третьих, заговор неизбежно был обречен на многолетнюю фальсификацию и мистификацию. Потому, что это не только особая, тщательно соблюдаемая традиция британской разведки, но еще и потому, что в ней откровенно замешаны представители британской правящей элиты -от руководства министерства иностранных дел и финансов до премьер-министров, а также и членов британской королевской семьи, не исключая самого короля Эдуарда VIII!…

И поскольку полностью скрыть все следы было невозможно, то единственная реальная возможность для гарантированного отвода подозрений от Великобритании заключалась только в том, чтобы всевозможными фальсификациями и мистификациями (в т.ч., как это ни странно, также и мистифицированно-фальсифицированными якобы разоблачениями первых) так замести все возможно оставшиеся следы, так их запутать, чтобы никто и никогда не смог бы не то чтобы распутать, но и попросту даже подобраться к началу расследования!

Впервые внимание автора к возможности осуществления такого расследования невероятного, фантастического переплетения уникальнейших тайных процессов высшей мировой политики и геополитики, деятельности наиболее мощных разведслужб и влиятельных тайных обществ, тайной дипломатии, секретного финансирования тайных политических процессов привлек старинный друг отца автора — Константин Мефодиевич, в прошлом многолетний высокопоставленный сотрудник личной разведки Сталина, обладавший уникально многоплановым, специфическим даже для нелегальной разведки опытом разведывательной деятельности.

На протяжении многих лет он был не только профессиональным «охотником» за особо охраняемыми государственными и частными архивами, но и асом в добывании уникальной разведывательной информации по различным актуальным вопросам тогдашней современности, а также в области научного анализа этой информации, в т.ч. и методами разведывательно-исторического расследования.

Конечно, как опытнейший профессионал Константин Мефодиевич не имел права, да и не мог передать автору какие-либо секретные документы из архива личной разведки Сталина. Но в то же время он поступил чрезвычайно просто и мудро: рассказывая в деталях о многих тайнах минувшего, подробно раскрывая принципы функционирования механизмов творения всевозможных закулисных процессов, детально поясняя методику выявления глубинных связей общеизвестных событий и фактов с закулисными процессами, он одновременно передал автору и разработанную им в содружестве со своими коллегами-разведчиками уникальную, беспрецедентно эффективную технологию целенаправленного сбора, глубинного анализа, многоступенчатой проверки и перепроверки и синтеза информации по острейшим вопросам истории и современности.

Тем самым, по его же словам, он, во-первых, преследовал цель избавить автора от необходимости прибегать к секретным или рассекреченным архивам и даже испытывать в них нужду.

«Как ты и сам понимаешь, — говорил автору старый разведчик, — не то чтобы все, но и вовсе никаких секретных архивов перед тобой не откроют, тем более по этим вопросам. Но даже если, предположим, и откроют, то и трех жизней не хватит, чтобы детально с ними ознакомиться. В одном только Особом Архиве — сотни тысяч единиц хранения, а каждая единица — минимум 3 — 5 страниц… До зарубежных архивов тем более не дотянешься — самое интересное ведь в архивах разведок и тайных обществ, но попробуй туда попасть… И мне-то далеко не всегда удавалось, тем более с первого захода… Будешь прямо указывать, с чем конкретно хотел бы ознакомиться, — как минимум начнут палки в колеса вставлять, а то и вовсе замучают одним и тем же вопросом — откуда знаешь… До архивов личной разведки Сталина также не добраться — официально ее не существовало, первые экземпляры многих ее документов, поскольку они находились у Сталина, были уничтожены Хрущевым в первые три года после смерти Сталина, иначе не получилась бы его дурдомовская «оттепель»… А неофициально… -…когда придет время, эти архивы заговорят в полный голос, и многим, очень многим и на Западе, и на Востоке, не говоря уже о России, придется, мягко выражаясь, вертеться, как жареным карасям на сковородке…»

Во— вторых, он избавил автора от необходимости всякий раз ссылаться на него, Константина Мефодиевича. «Исстари, например, -говорил старый нелегал, — хорошо известно, что лучший на века способ сохранить от раскрытия тайну истории, а в действительности же из поколения в поколение целенаправленно держать целые общества в абсолютном неведении по заранее определенному кругу вопросов — это именно же держать

весь круг этих вопросов на виду у всех, предварительно распылив все основные элементы информации о них как во времени, так и в пространстве, а затем, также у всех на виду, устраивать вакханалии фальсификаций вокруг отдельно взятого вопроса, потом — вакханалии якобы разоблачений этих фальсификаций, ну и т.д. Достаточно двух-трех раз, чтобы с толку было сбито все общество — от млада до стара…

Все дело в том, что, как считают специалисты по психологическим войнам, для общества временной лаг, отделяющий историческое прошлое от современного ему настоящего, составляет примерно сорок лет. Укладывающиеся в рамки этого периода события более или менее, но доступны непосредственному восприятию обществом в целом. А все, что за его пределами, — исчезает за горизонтом…

Но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы уяснить ту простую истину, что коли информация была целенаправленно распылена во времени и в пространстве, а затем поэлементно многократно подвергалась фальсификациям и мистифицированным разоблачениям этих фальсификаций, да к тому же в условиях чехардой менявшихся политических режимов, то за недоступный для восприятия горизонт она угодит куда ранее, чем по истечении тех же сорока лет. К тому же к концу этого срока общество в целом утрачивает способность, а, главное, навыки точного анализа и обобщения своего же исторического прошлого, особенно если насильственно прервана преемственность поколений — например, войной…

В архивах же прячут не тайны истории, а причастность тех или иных персонажей историй к тем или иным событиям, особенно если эта причастность из разряда неблаговидных, а также то, что об этом кто-то знает.

А вот искусство воссоединения из пространства и времени умышленно разрозненных бесчисленных крупинок информации — и есть великое искусство разведки и истории!

Ведь, например, те уникальные совпадения множества фактов, обладающих генетически заложенной в них способностью автономно и едва ли не автоматически выстраиваться в логически жестко взаимосвязанную цепь событий и процессов, о которых ты поведешь речь на страницах книг трилогии, именно как накрепко спаянные между собой звенья одной и то же цепи тянутся из эпохи в эпоху, из века в век, несмотря на все смены политических режимов и форм государственного устройства в России…»

И если действительно корректно точно следовать этим элементарным правилам, то, вне всякого сомнения, следует исходить не из т.н. «паранойи» Сталина, которой не было, но которой пытаются все объяснить, особенно события 1937 — 1938 гг., а из того, что заговор был, заговор опасный, чрезвычайно опасный, как для Великобритании, так и для СССР.

Однако же не следует спешить с выводом о том, что в британской разведке все разом посходили с ума в необъяснимом припадке еще более необъяснимой любви к тому же Сталину, оказав ему такую услугу в разоблачении заговора, или что всесильный генеральный секретарь был статистом в этой изощренной политической интриге.

Не следует, хотя бы потому, что в силу вышеуказанных причин британская разведка и по сей день осуществляет тотальную операцию прикрытия своего деятельнейшего участия в разоблачении особенно советской части «двойного заговора».

Но это же со своей стороны означает, что заговор не только был, но и действительно представлял собой колоссальную угрозу высшим интересам Британской империи, руководство которой активно подготавливало тогда новую мировую бойню.

И в то же время заговор представлял еще большую, реальную угрозу не только и даже не столько существованию СССР, сколько самому существованию России.

Однако, сдавая различными путями, в т.ч. и по агентурным каналам чехословацкой военной разведки, «заговор маршалов» Сталину, причем заведомо зная, что он и так идет по пятам заговорщиков, британская разведка, как послушный инструмент в обеспечении высших интересов империи, руководствовалась отнюдь не альтруистическими соображениями. Четко прослеживаемая мотивация ее действий — максимально ослабить Советский Союз в преддверии ею же, Великобританией, запланированной Второй мировой

войны XX века, — была и есть обусловлена «железной» логикой геополитического противоборства между Западом и Востоком, насчитывающего уже много веков. В последние пять с половиной веков главными персонажами этого ожесточенного, кровавого противоборства являются Великобритания и Россия, а с 1945 г. весь Запад во главе с США и Великобританией и Россия, как бы она не называлась!

А на войне, тем более такой — Войне Континентов и Цивилизаций, — самое бесценное — это Правда, которую, как едва ли не слово в слово говаривали практически в одно и то же время закадычные враги — И. Сталин и У. Черчилль, — охраняли и будут охранять «батальоны лжи»\parУничтожить же их или, по крайней мере, принудить к безоговорочной капитуляции можно лишь только «спецназом» Истории — по аналогии с хорошо известным спецназом российской разведки, т.е. специальным разведывательно-историческим расследованием.

…Каждая из наших многочисленных бесед начиналась с вынесенного в качестве эпиграфа шутливого перифраза Константином Мефодиевичем одного из четверостиший Бориса Пастернака:

Однажды Бог как будто ненароком,
К тому ж отнюдь не наугад,
Назвал Историю Разведкой,
Разведывающей назад…
В оригинале это звучит так:
Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад.

Часть I.

Нить Ариадны…
Все, что видим мы, — видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна.
Омар Хайям

Глава I.

Отыщи всему начало, и ты многое поймешь…

У любой разведки — две «ахиллесовы пяты»: связь и почерк. О первой достаточно широко известно благодаря книгам о разведчиках и кинематографу. О второй — почти ничего, во всяком случае широкой публике. Между тем первую без второй — не нащупать…

Выдающийся ас советской контрразведки, ныне покойный Иван Алексеевич Маркелов, при жизни любил приговаривать: «Ищите агента по почерку разведки — он неизменен, потому и подводит». Сущая правда: прежде, чем подведет связь, угрозу провала создаст неизменность почерка…

По— разному о себе дает знать эта «ахиллесова пята» всех разведок, но самое любопытное, что не только в работе с агентурой. Например, и в проведении специальных акций, в т.ч. и особенно стратегического характера, тем более ориентированных на тотальное манипулирование общественным сознанием.

И чем выше цель, ради которой затевается та или иная акция или операция, тем ощутимей о себе дает знать эта извечная «ахиллесова пята» разведки, сколь бы многоопытной и изощренной она ни была…

Существует масса признаков, сведенных в разных разведках в разные же системы, по которым, как по таблице умножения, можно быстро вычислить нужное. Конечно, не обо всем можно говорить открыто — увы. законы разведки есть законы разведки. Но то, о чем можно говорить, легче всего выстроить в понятную всем систему от простого к сложному.

Итак, вы задумывались когда-либо, почему у событий 1937 года столь большое количество названий? «Репрессии 1937 года», «жестокие репрессии 1937 года», «необоснованные репрессии 1937 года», «сталинские репрессии 1937 года», «дело Тухачевского», «заговор Тухачевского», «заговор маршалов», «заговор военных», «репрессии против военных», «жестокие репрессии против высшего командного состава Красной Армии», «обезглавливание Красной Армии» и еще примерно с десяток.

Списать только на журналистские штампы — значит почти ничего не сказать. Потому что да, действительно, «владыка журналист, ведущий свистопляску, глупец, кому дано при помощи столбцов дурачить по утрам три тысячи глупцов», но ведь суть-то вся в том, кем дано! Кому выгодно, чтобы у тех далеких, но по-прежнему волнующих общество событий было бы десятка полтора названий? Абсолютно аналогичная картина и с количеством версий на эту же, и без того трагическую и болезненную тему. Прошло без малого семь десятилетий — но все те же полтора десятка версий в обрамлении полутора десятков названий?!

Любому мало-мальски грамотному человеку едва ли не с сызмальства прекрасно известно, что если версий какого-либо события, факта или явления больше трех, то следует в кратчайшие же сроки отделить явно похожие на зерна истины от несомненных и очевидных плевел.

Вот всего лишь два элементарных индикатора и вывод — хотя и предварительный, но достаточно серьезный: налицо первые явные признаки преднамеренного (пока не утверждаю, что злоумышленного) целенаправленно методичного распыления внимания, дабы не дать ни малейшего повода, чтобы зацепиться за ту самую «нить Ариадны», которая и выведет к истине…

Объективности ради не имею права не воздать должное тем, кто манипулирует этим процессом: они изрядно облегчили себе «работу» — в активном пропагандистском обороте оставили всего четыре версии, одна из которых бытует без малого 70 лет, две — немногим меньше 50, а четвертая — самая «молодая» — всего лет 5 — 6. Остальные же выполняют роль либо отвлекающего маневра, периодически напоминая о себе, либо «чистильщиков», призываемых обычно для подчистки наиболее глупых мест основных, которые с течением времени так или иначе всплывают на поверхность.

Все четыре основных версии:

— находятся в глубоком противоречии друг с другом, причем первые две — едва ли не в зеркальном, более того, самая первая — та, что ходит около 70 лет, содержит этот парадоксальный порок внутри самой себя;

— не только находятся в глубоком, в т.ч. и зеркальном противоречии друг с другом, но и попросту разносят друг друга в пух и прах даже без посторонней помощи;

— не только разносят друг друга в пух и прах, но и осуществляют это весьма последовательно;

— не только последовательно разносят друг друга в пух и прах, но и осуществляют это в прямой зависимости от конкретной политической конъюнктуры времени обнародования версии, с некоторыми вариациями, зависящими от тех же особенностей, но уже времени муссирования;

— носят откровенные признаки мощных пропагандистских акций;

— по выходу в свет сопровождались мощными пропагандистскими кампаниями рекламного характера;

— носят явные признаки умышленно создаваемой непроверяемости внешне

правдоподобно излагаемой фактуры;

— носят явные признаки умышленно создаваемых помех — зачастую крайне трудно преодолимых — для любых попыток хоть как-то объективно проанализировать факты;

— формально принадлежат перу бывших разведчиков — беглых предателей: три — бывшим советским, одна — бывшему нацистскому. Трое из них занимали видное положение в своих разведках — один из «наших» был нелегальным резидентом, другой — «легальным», а нацист — и вовсе являлся главой внешнеполитической разведки;

— носят все признаки происхождения из одного «мозгового центра», специализирующегося и на подобной деятельности, и на этой теме конкретно, причем у трех версий эти признаки выражены ясно и четко, у четвертой — более смазано, но в целом установимо.

И этим самым единым управляющим «мозговым центром» является одна из самых многоопытных, чрезвычайно изощренных и коварных разведок мира, обладающая чрезвычайно богатым опытом и навыками проведения многоходовых и долговременных крупных политических интриг и акций влияния. Потому что все версии:

— носят совершенно явные признаки геополитической подоплеки и преследуют явные геополитические цели, характерные только для этой разведки, причем, поскольку все признаки четко классифицируются по смыслу и в хронологической привязке, всякий раз эти геополитические цели оказываются прямо взаимосвязанными с глобальными процессами и событиями в истории XX века;

— выпущены в свет в виде книг, что является чрезвычайно характерной чертой этой разведки уже не один век; кроме того, выход в свет книг сопровождался упреждающей пропагандистской кампанией по формированию «паблисити» их авторам;

— по выходу в свет сопровождались не только и даже не столько мощными, сколько грамотными пропагандистскими кампаниями, что также чрезвычайно характерно для этой разведки;

— впервые вышли на одном и том же языке, в т.ч. две — непосредственно в Великобритании;

— готовились в условиях прямого контакта их «авторов» с этой разведкой (в одном случае контакт опосредствованный);

— в исходной точке имеют в т.ч. и мотив мести — либо прямо, либо косвенно;

— носят явные признаки т.н. «трупологического» подхода в подборе как «авторов», так и «первоисточников» версий — мертвые, как известно, тем и хороши, что молчат. Эта черта уже не один век входит в число отличительных для этой разведки, особенно при проведении крупных операций;

— имеют различные, явно выраженные признаки вызывающе нахального, демонстративного игнорирования даже тени угрозы разоблачения. В двух случаях «авторы» даже и не знали, что они «авторы» нашумевших книг, причем один — даже при жизни. В одном случае «автор» вообще ничего не мог написать, поскольку попросту не знал языка, на котором якобы написал книгу, в другом — в предисловиях к различным изданиям в открытую признается переделка исходного материала, который, кстати говоря, вовсе не являлся даже черновиком книги, причем переделка настолько всеобъемлющая, что между текстами на различных языках разница носит принципиальный характер. В двух случаях присутствует едва ли не демонстративное игнорирование даже самых элементарных реалий описываемого периода, в одной — прокол чисто национального характера страны этой разведки. В двух основных и одной вспомогательной версиях, между которыми разница в 18 лет, повторяется один и тот же прокол, который был обусловлен незнанием одного конкретного факта именно этой разведкой;

— появились в период наивысшей активности Отдела дезинформации именно этой разведки, обладающей колоссальным и ни с чем не сравнимым опытом именно в проведении дезинформационных акций пропагандистского характера, в т.ч. с крупномасштабным привлечением к этим операциям как уже состоявшихся литераторов, писателей, журналистов

и публицистов, так и рекрутов той же разведки. Причем три версии появились в период действия и до сих пор никем не отмененного, а потому и засекреченного до 2017 г. плана глобальной же психологической войны против не столько даже СССР (хотя именно это название фигурирует в тексте), сколько против России как геополитического фактора на мировой арене. Лучшим доказательством тому, что план этот продолжает действовать, является факт появления четвертой версии, причем в статусе неотъемлемого компонента еще более глобального мифа на геополитическую же тему.

Конечно, можно было бы и далее продолжать этот анализ — материалов хватает, однако и этого вполне достаточно, чтобы составить узнаваемый фоторобот «почерка» конкретной разведки в конкретной сфере разведывательной деятельности. Теперь надо сказать о ней подробнее.

Представленный выше образец «почерка» идентифицируется только с Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС) или, проще говоря, с английской разведкой, на профессиональном языке — МИ-6!

Это почерк разведки, многие века специализирующейся на проведении т.н. специальных акций в противоборстве с окружающим миром за утверждение особой роли Великобритании в глобальной расстановке сил на мировой арене.

«Битвы выигрываются кровопролитием и маневром, — отмечал еще Уинстон Черчилль в своих воспоминаниях. — Чем более велик генерал, тем большую роль он отводит маневру и меньшую — кровопролитию… Почти все битвы, которые расцениваются как образцы военного искусства… были битвами маневренными, в которых противник часто обнаруживал себя побежденным в результате использования какого-либо неизвестного ранее приема или изобретения, какого-либо необычного, быстрого, неожиданного удара или уловки… В войне возможны многие, разного рода маневры и лишь некоторые из них осуществляются непосредственно на поле боя. Используются маневры на крайнем фланге или в глубоком тылу. Маневры во времени, дипломатии, технике, психологии; все они отдалены от сражения, но часто воздействуют на него решающим образом, и задачей всех их является найти более легкие пути, отличные от непосредственного кровопролития для достижения главной цели».

На языке спецслужб этот слегка витиеватый пассаж Черчилля насчет всевозможных маневров называется использованием «специальных средств». Он включает в себя широчайший круг различных тайных, нередко связанных с кровопролитием, но всегда очень сложных, зачастую крайне запутанных операций секретной войны разведок, использование мер, которые «кажутся странными в данный момент» и лишь впоследствии оказываются «чрезвычайно разумными».

«Опыт Англии в использовании специальных средств был очень длительным, — отмечал соотечественник Черчилля и один из лучших знатоков британской разведки и секретной дипломатии А. Браун, — более длительный, чем у какой-либо другой державы. На протяжении свыше пяти столетий ее государственные деятели и генералы применяли их для того, чтобы создать королевство, а затем империю, и чтобы защитить их от врагов».

Браун был абсолютно прав, как, впрочем, и обладавший колоссальным опытом взаимодействия с разведкой Черчилль, изначально увязавший витиевато изложенное им значение «всевозможных маневров» именно с битвами и войнами.

Именно так все и было в истории зарождения, становления, развития и расцвета могущества Британской империи. Более того, даже сама закладка основ будущего каркаса будущей империи тоже не обошлась без использования «специальных средств» и именно в геополитических целях.

Как известно, отсчет начала строительства будущей Британской империи даже официозная историография ведет с царствования Генриха VIII. Но именно с него же и началась протестантская реформация в Англии, в горниле которой и был выкован каркас будущей империи — английское королевство, каким его знают последние пять веков.

Происходившие тогда процессы не были связаны с религиозными разногласиями и уж

тем более с неукротимым либидо Генриха VIII, приведшего к знаменитому расторжению его брака с Екатериной Арагонской и последовавшей затем женитьбе на Анне Болейн.

За счет т.н. протестантского вольнодумства — т.е. средневекового «специального средства» глобальной борьбы — тогда был осуществлен разрыв Англии с Испанией и Римом, что было продиктовано исключительно геополитическими соображениями: наступила эпоха великих географических открытий, и центр мировой силы, ранее находившийся в Средиземноморье, в основном в Венецианской республике, стал перемещаться в сторону Атлантики. И от того, кто первым всерьез и надолго установит контроль над морскими коммуникациями в этом океане, напрямую зависело и то, кто будет господствовать над остальным миром. Католические Испания и Португалия, первыми проложившие морские пути к Американскому континенту и в Азию, поделившие весь известный тогда мир2, не удосужились обеспечить долговременный контроль и в итоге достаточно быстро все потеряли. А Англия — приобрела.

Точно так же и первый шаг в строительстве будущей империи в открытую был сопряжен с т.н. «специальными средствами». Известно, что этот шаг внешне связан с разгромом в 1588 г. знаменитой испанской «Непобедимой армады». Но мало кому известно, что этот небывалый успех, так много предопределивший в судьбе Туманного Альбиона, связан и с небывалым успехом британской разведки в лице одного из наиболее блестящих и выдающихся ее асов того времени, великого, кстати говоря, специалиста по части психологических войн — Джона Ди3.

Пагубного влияния этой, одной из наиболее характерных отличительных черт британской политики не избежали и русско-английские отношения с самого момента их зарождения и вплоть до наших дней.

Историки, например, до сих пор гадают, что же такого экстраординарного стряслось с Иваном IV, вследствие чего он превратился в кровавого Ивана Грозного?

А есть ли основания для этих гаданий? Если внимательно приглядеться к этой истории, окажется, что не только нет для этого никаких оснований, а наоборот, налицо все необходимые данные для едва ли не категоричного утверждения, что к этому в открытую причастна британская разведка того времени.

В 1963 г. после вскрытия комиссией Министерства культуры СССР гробниц Ивана Грозного, его сыновей — Ивана Ивановича, Федора Ивановича и воеводы Скопина-Шуйского, открылась страшная картина. В останках Ивана IV Грозного была обнаружена чрезмерно высокая концентрация одного из самых ядовитых для человеческого организма металлов — ртути! Причем ее содержание достигало 13 граммов в расчете на тонну, в то время как обычно в человеке содержание ртути не превосходит 5 миллиграммов на тонну! Разница — в 2600 раз!

При этом следует учесть то обстоятельство, что во время этого анализа, к сожалению, не было принято во внимание то обстоятельство, что при похоронах Иван Грозный был облачен в схиму (монашескую одежду), богато расшитую золотыми нитками — ведь золото является сильнейшим поглотителем ртути! Следовательно, подлинное содержание ртути в останках Ивана Грозного должно было быть значительно больше, а соответственно, достигать больших размеров, и разница между ее естественным наличием в организме человека и тем, что было зафиксировано в эксгумированных останках!

В останках Ивана Ивановича также была зафиксирована ртуть — до нескольких граммов на тонну, что также абсолютно ненормально. А вот в останках младшего сына — Федора Ивановича — ртути зафиксировано не было! Простое сопоставление этих фактов приводит к единственному выводу — Ивана IV и его семью целенаправленно травили ртутью! Вот факты:

1. Первенец Ивана IV и Анастасии Захарьиной — Дмитрий — родился здоровым и нормальным ребенком, а умер от банальной простуды (простудился во время поездки с отцом на богомолье), которую в те времена далеко не всегда могли вылечить даже царские лекари. Ртути в его останках не обнаружено.

2. Второй сын Ивана IV и Анастасии — Иван — тот самый, которого Иван Грозный в 1581 г. убил посохом, родился в 1554 г., когда самому Грозному было всего 24 года, и рос здоровым и сильным человеком. Но в его останках обнаружена высокая концентрация ртути!

3. А вот третий сын от Анастасии — Федор — родился в 1557 г. и был слабоумным. К тому же, как окончательно установила реконструкция знаменитого антрополога М.М. Герасимова, уродливым карликом с маленькой головкой на ширококостном скелете! И вот в его-то останках следов ртути не обнаружено. Следовательно, в промежутке с 1554 по 1557 г. Ивана IV уже начали всерьез травить ртутью.

А в 1560 г. умирает еще совсем молодая, горячо любимая Иваном IV царица Анастасия. Причем уже сам самодержец не сомневается в том, что ее отравили.

Прежде чем перейти к фактам второго ряда, отметим следующее. Отравление ртутью известно человечеству издавна. В описываемые времена — Средневековье — всей Европе, например, была известна т.н. «болезнь сумасшедшего шляпника»: она была распространена именно среди мастеров шляпного дела, которые при изготовлении модного тогда фетра использовали смертоносные ртутные соединения (подобный персонаж — «сумасшедший шляпник» — очевидно, известен многим читателям по знаменитой сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес»). Сейчас она известна как «болезнь Минамата» — впервые в XX веке была зафиксирована в Японии вследствие массового отравления ртутью, отсюда и название.

Главные симптомы этой болезни — глубокие депрессии, хроническая бессонница, сильно угнетенное состояние, мания преследования, психическое расстройство, выражающееся в бурных и буйных приступах, чрезвычайно опасных для окружающих. Более того, еще с древности также было известно, что отравление ртутью быстро приводит ко всеобъемлющему поражению генного аппарата и передается по наследству — у т.н. «сумасшедших шляпников» еще в Средневековье было зафиксировано рождение ущербного потомства, особенно если отравлению были подвержены оба супруга.

А теперь о фактах второго ряда. Именно в указанный промежуток времени — 1553 — 1554 гг. — на Руси появился первый британский шпион, купец Ричард Ченслор — доверенное лицо английского двора, а также ставший на долгие времена личным лекарем Ивана Грозного выпускник Кембриджа, лекарь, астролог, маг и колдун (и еще и шпион) Элизеус Бомелия, прозванный на Руси Елисеем Бомелия, по национальности, судя по всему, голландец.

В летописях того времени он называется «немцем», однако тут надо иметь в виду, что на Руси едва ли не до конца первой половины XX века немцами называли не германцев, а вообще всех иностранцев, которые не умели говорить по-русски, «немец» — значит немой, т.е. не может говорить по-русски. А в отношении этнической принадлежности — с этим на Руси все обстояло благополучно, и когда надо было, выражались более чем определенно, например, «германец на нас пошел».

Английский мореплаватель и купец, а в действительности шпион английского двора Ричард Ченслор участвовал в 1553 г. в экспедиции под командованием Хью Уиллоби по поиску Северного морского пути в Индию и Китай в противовес открытым, но тогда полностью контролировавшимся только католическими Испанией и Португалией морским путям вокруг Африки и через Атлантику в Америку (Вест-Индию). Через шесть месяцев после отплытия экспедиция потерпела крах — два корабля из трех были раздавлены льдами (на одном из них погиб Уиллоби), а корабль «Эдвард Бонавенчер» под командованием самого Ченслора в том же 1553 г. бросил якорь у маленькой бедной рыбацкой пристани близ старинного монастыря Михаила Архангела, где впоследствии и был построен первый российский порт Архангельск. Ченслор смог ознакомиться с Московским государством и даже был удостоен аудиенции у молодого, полного сил, а главное доброго нрава царя Ивана Васильевича — Ивана IV.

Вывод, который Ченслор сделал о Руси, был уникален и вошел в историю: «Если бы русские знали свою силу, то никто не мог бы соперничать с ними, но они ее не знают». Именно так он и сообщил в Лондон. А далее, явно для того, чтобы русские никогда и не

узнали бы свою силу, — на самом же деле для того, чтобы они не могли воспользоваться ею, ибо русские и тогда знали о своей силе, но применяли ее только в необходимых случаях и в высших интересах Руси, — в дело вступил «лекарь» Бомелия.

Именно его-то, Бомелию, и ненавидели на Руси лютой ненавистью, считая повинным в диких, необузданных жестокостях царя, который как бы переродился из нормального человека в свирепого вепря на троне. Бомелию так и называли — «лютый волхв», т.е. лютый, злой колдун, и именно под этим определением он и фигурирует в летописях. И только четверть века спустя его постигла, хотя и варварская по современным меркам — времена тогда были такие, что Русь в этом смысле ни на йоту не отличалась от Европы в жестокостях казней, — но абсолютно заслуженная кара: опытнейшие палачи Малюты Скуратова выпустили из него кровь, а потом живьем поджарили на вертеле. Но за эти четверть века сколько же неисчислимых бед принес этот британский шпион всей Руси!

Царь отравлен, царица отравлена и умерла от отравления, потомство дебилизировано (ставший царем Федор Иванович), последний сын царя от Марии Нагой — печально знаменитый в русской истории царевич Дмитрий (родился в 1582 г.) был больным ребенком и страдал падучей болезнью, свирепствам царя нет конца, им же самим убит единственно пригодный для управления разросшимся (уже присоединена Сибирь) государством сын Иван, которого тоже травили, явно преследуя цель оборвать и его жизнь4. Кончилось все это установлением власти Бориса Годунова и Великой Смутой, в которой Русь едва, точнее, чудом устояла.

Но вот на что хотелось бы обратить внимание, тем более в свете фактов третьего, обычно не пользующегося никаким вниманием со стороны историков, ряда. Ченслор оказался на Руси в самом прямом смысле вследствие разворачивавшегося геополитического по сути, но религиозно-цивилизационного по внешним признакам противоборства интенсивно протестантизируемой Англии с окружавшим ее тогда остальным христианским миром, в основном католическим. Вывод его о Руси был по сути геополитическим — ведь вначале своего правления Иван IV уже «затмил своих предков и могуществом и добродетелью», отмечали именно же англичане в своих донесениях в Лондон. «Имеет многих врагов и усмиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Ногаи ужасаются русского имени (уже пошла ложь, ибо не ужасались, а вынуждены были считаться с законными интересами Руси. — А. М.)…В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив. Одним словом, нет в Европе более россиян преданных своему государю, коего они равно и страшатся и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать Иоанн во все входит, все решит; не скучает делами и не веселится ни звериной ловлей, ни музыкой, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России!»

Как это ни парадоксально, но и в сохранившихся до наших дней народных преданиях о лютой ненависти Руси к Бомелии, особенно же со стороны царского окружения, также геополитическая подоплека: люто ненавидя его и пребывая в абсолютной уверенности, что злой немец (подчеркиваю, что не германец, а иностранец) Бомелия своими «чарами» внушил царю «свирепство», оно открыто объясняло это тем, что-де немцы (т.е. иностранцы вообще) путем гаданий и волхований (т.е. колдовства) якобы дознались, будто им предстоит быть разоренными дотла русским царем, — и вот, дабы отклонить от себя такую участь, и прислали на Русь своего волхва (злого колдуна)!

Естественно, что молодой Иван IV вовсе не собирался кого-либо разорять — его действия были абсолютно адекватной реакцией на резко усилившийся тогда натиск в основном католического Запада на Русь в поисках сухопутного пути на Восток, в Индию, о котором уже тогда было известно, что он пролегает через Русь. И вовсе не случайно, что этот натиск, особенно в первый период правления Ивана IV, получал заслуженно жестокий отпор со стороны Москвы, которая к тому же стремилась возвратить себе и исторически законные выходы в Балтийское море.

На арене этого жестокого геополитического противостояния и противоборства

католицизма и резко набиравшего силу протестантизма в очень хитроумной комбинации и выступил Лондон со своими шпионами и колдунами-отравителями. Пока католический Запад пытался проводить свою политику с помощью вооруженной силы, Лондон с подачи Ричарда Ченслора благословил создание на Руси Московской торговой компании, общая договоренность о чем имелась у него еще с 1553 г. — со времени аудиенции у Ивана IV, когда Ченслор высказал получившую одобрение молодого царя идею.

Московская торговая компания вначале получила от Ивана IV монопольное право на торговлю с Русским государством, т.е. из всех иностранцев они в одночасье превратились в абсолютных монополистов, затем — право беспошлинной торговли, а в 1569 г. — уникальное право беспошлинной транзитной торговли по волжскому пути со странами Востока! Англичане действовали очень тонко: с одной стороны, вытесняли всех иностранцев, пытавшихся действовать на русском рынке, особенно голландцев, а с другой, подставили в качестве отравителя именно голландца, что позволяло, в случае провала, спихнуть все на них же.

Однако безудержная алчность британцев привела к тому, что после одного из приступов свирепости, просветлев на некоторое время разумом, Иван IV лишил эту компанию — в 1570 г., т.е. всего через год! — всяческих льгот. Правда, впоследствии, в результате множества просьб, часть этих льгот была восстановлена, но о монополии речь уже никогда не шла. На этом фоне самое время сказать и о фактах четвертого, практически никогда не упоминаемого ряда.

Выше мы уже отметили, что Иван IV вовсе не собирался никого разорять дотла — он всего лишь давал сдачи и, на первых порах весьма крепко. Но в то же время он отлично понимал и значение дипломатии, которая и в то время имела колоссальное значение и нередко носила характер династических браков.

Иван IV желал доброго межгосударственного союза с Англией и одно время, оставшись вдовцом, предпринял попытку свататься к правившей тогда в Англии королеве Елизавете. В ответ же, и это чрезвычайно характерно уже даже для тех, ранних англо-русских отношений, руководитель секретной службы Англии лорд Берли (в Москве его называли «боярин Бурлы») в своих инструкциях английскому послу при Иване Грозном Рэндольфу (тогда и в Англии не было четкого разделения между разведкой и дипломатией) прямо предписывал добиваться только привилегий для британских купцов, но всячески уклоняться от любых переговоров о союзе, тем более на брачной основе.

Да и как можно было говорить о браке, если в Лондоне прекрасно было известно, что их же агент Бомелия вовсю травит царя и его родичей ртутью с катастрофически непоправимыми в плане престолонаследия последствиями!

Слава Богу, Всевышний воздал Англии за ее подлость — не прошло и полутора веков, как вследствие гомосексуальных наклонностей Вильгельма III Оранского у самого Альбиона на рубеже XVII — XVIII веков возникла острейшая проблема престолонаследия, завершившаяся тем, что на престол в Лондоне один за другим стали попадать слабоумные германские принцы — т.н. «серия Георгов», особенно под номерами от I до III.

Однако вышеприведенное хотя и с трудом, но все же различимая верхушка айсберга фактов четвертого ряда. Куда сложней дело обстоит с той его частью, что сокрыта под спрессованной историей толщей времен. А ведь именно там, в вечных льдах прошлого, в первозданном виде сохранились подлинные корни первопричины происхождения сознательно-злобно враждебного отношения Англии к России вне какой-либо зависимости от сути и формы политического режима или государственного правления на Руси. Так что не вернуться к тому, что отписывали из Москвы английские соглядатаи, невозможно. Не слишком многословно, но более чем емко, они письменно зафиксировали дважды уникальное явление: с одной стороны, растущее могущество Русского централизованного государства времен молодого Ивана IV, а с другой — факт уникального возрождения, но в новых исторических условиях, могучего ранее фактора в геополитической расстановке сил прошлого.

Итак, если по порядку разложить ими же написанное, то это будет выглядеть следующим образом: (Власть идеи самодержавия московского царя + практически всеобъемлющая власть Православия) + (Власть по факту самого самодержавия московского царя + Откровенно поставленное во главу угла государственного правления столь же Откровенное служение Богу5) + (Добродетельное служение самодержавной власти царя с беспрецедентной преданностью народа своему государю, что покоилось на «двух китах»: на отношении молодого царя к народу как к «Людям Бо-жиим и Нам Богом Дарованным!» и на его же позиции, что отныне он и судия народный, и защитник народа6) + (Укрепление, в т.ч. и военной силой, внутренней и внешней безопасности государства + Укрепление единства страны и государства + Укрепление международного авторитета державы, чрез территорию которой проходили все сухопутные и речные пути с Запада на Восток и, соответственно, в обратном направлении) + (Отчетливо выраженное уже в первый период правления Ивана IV геополитическое стремление к возврату исконно славянских земель в Прибалтике и в целом на Северо-Западе ради законного обретения столь же законного выхода в Балтийское море, а также жестко обусловленное только соображениями внешней государственной безопасности движение на Восток и Юго-Восток).

При всех известных и часто не к месту поминаемых недостатках правления Ивана Грозного именно при нем несмотря ни на что в основном завершилось становление основного каркаса России как страны (в географическом смысле) и Русского централизованного государства, а вместе с тем и того евразийского понятия Россия, к которому мы теперь часто прибегаем.

И все это в обрамлении ореола наследника славных традиций Александра Невского (одним из первым давшим отпор натиску Запада на Русь) и его потомков — «собирателей и устроителей земель русских» — Даниила Александровича, Ивана Калиты и особенно Ивана III (тоже Грозного) и его знаменитой жены Софьи (урожденной Зои Палеолог — племянницы последнего византийского императора Михаила Палеолога).

Более того, все это происходило на фоне серьезно воспринятой Россией роли защитника православия и укоренившихся в ее государственной жизни византийских символов и традиций. Особое значение среди них имели преисполненный глубокого геополитического смысла герб с двуглавым византийским орлом (смотрит на Запад и на Восток) и овладевшая умами политической и церковной элит идея «Третьего Рима».

В итоге совокупность всего этого представала перед остальным миром как своего рода уникальная религиозно-геополитическая реинкарнация за век до этого рухнувшей под ударами турок-османов Византийской империи. Но ведь рухнула-то она не столько под ударами турок — в 1453 г. им достался практически полностью обессиленный Царьград, т.е. Константинополь, — сколько в результате многовековой тотальной подрывной деятельности против империи, осуществлявшейся из корыстных торгово-экономическо-геополитических мотивов. И главным зачинщиком этой подрывной деятельности была Венецианская республика, олигархические кланы которой век спустя, т.е. с начала XVI века, стали переносить свою торгово-экономическую и геополитическую активность в Атлантику — ведь наступила уже эпоха великих географических открытий, — избрав в качестве плацдарма Англию Генриха VIII.

И поскольку ранее эффективно действовавшие короткие сухопутно-морские пути с Запада (из Венеции) на Восток через Средиземное море, Анатолийский и Аравийский полуострова оказались полностью перекрытыми воинствующим исламом — в большой степени из-за подрывных потуг самой же Венеции против Византийской империи, — то остались только сухопутно-речные пути пролегавшие через Русь.

И тут: фактическая реинкарнация, но в более могучем облике, все той же ненавистной Венеции (и в целом Западу) Византийской империи7. Да еще и самодержавно контролирующей все сухопутные и речные пути с Запада на Восток.

К тому же вторично за тысячу с лишним лет после падения Древнего Рима опять возрождается, но в более могучем обличье новый, «третий Рим» — Москва, не услышать

чего Р. Ченслор физически не мог.

Совершенно «естественно», что не отразиться на только-только начавших зарождаться англо-русских отношениях все это не могло. Вот исходный преступный мотив в вызревании замысла отравления именно ртутью и Ивана IV, и его жены Анастасии, и его сына Ивана, замысла, суть которого сводилась к следующему:

— заведомо зная о тяжелейших медицинских, особенно же психических последствиях: депрессии, бессоннице, угнетенном состоянии, мании преследования, галлюцинациях, бредовых идеях, бурных приступах сумасшествия и т.п. (все это у Ивана Грозного потом проявилось в избытке), — подорвать веру окружения и, главное, народа в царя как Помазанника Божьего. Тем самым разорвать столь необходимые для прочности любого государства того времени узы между самодержцем и народом, насильно взрастить в последнем бредовую идею, что всякая власть преступна, а затем, двигаясь по звеньям неизбежной цепной реакции, взрастить и культивировать измену, как всего лишь якобы оппонирование сумасшествию власти, прославить это «сумасшествие» на века вперед, опорочив само имя этого государства, как якобы сосредоточения зла, насилия и бесчисленных пороков, которое-де следует уничтожить. У великого русского поэта и дипломата Ф.И. Тютчева есть такие строки:

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась, -
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность,
Для нас — насилье и обман…
И закрепила стародавность
Их, как наследие славян…

— заведомо зная о катастрофически непоправимых последствиях в плане воспроизводства потомства вследствие ртутного отравления, подорвать царствовавшую династию Рюриковичей и тем самым освободить престол для своей марионетки;

— заведомо зная о настороженном отношении Русского государства ко всяким немцам, т.е. иностранцам вообще, подставить на неизбежную в таком опасном деле плаху чужую голову — в данном случае голландца Бомелию;

— заведомо зная о сулящих несметные барыши на сухопутно-речных путях на Восток, попытаться не только овладеть ими, но и установить над ним свой полный контроль, в т.ч. и за счет беспошлинной транзитной торговли, с тем, чтобы и на Западе, и на Востоке стать абсолютным монополистом в торговом обмене.

Пусть и почти пять веков спустя, но все же следует открыто признать, что этот подлый план фактически был выполнен и лишь чудом, называемым глубинной интуицией народа, нашедшего в себе силы и мужество к смертельно жестокому отпору, Русь едва устояла в Великой Смуте.

И совершенно не случайно, что созданная Р. Ченслором Московская компания беспрецедентно активно действовала именно во время Великой Смуты — от «годуновщины» (царь Борис был тесно связан с тем же Дж. Горсеем) до всех историй с Лжедмит-риями. Агенты именно этой компании — Джон Меррик и Уильям Рассел — пытались навязать России английский протекторат в разгар Смуты, а в 1612 г. ко всему прочему именно этой компанией был выдвинут проект военной экспедиции, преследовавшей цель под видом оказания помощи Москве в отражении очередного (инспирированного Западом) нашествия польских и шведских войск, захватить Русский Север — единственный тогда выход России к морю. Проект этот был решительно отклонен великими патриотами Земли Русской — Мининым и Пожарским.

Говорят, что-де Англия — страна традиций, но если это и так, то, очевидно, прежде всего традиций подлых: через 300 с лишним лет после Великой Смуты начала XVII века, во времена очередной опять-таки при активнейшем участии Англии инспирированной Великой

Смуты 1917 г. «военный проект» Московской торговой компании «реинкарнировался» в британскую интервенцию на Русском Севере в 1918 г.

Сама же «традиция» подлости по отношению к России начала складываться уже тогда, когда Русь чудом вышла из Смуты живой: к только что избранному на царствование Михаилу Федоровичу Романову вновь был приставлен английский «лекарь», а заодно астролог, колдун, но прежде всего шпион, потомственный разведчик, сын уже упоминавшегося выше Джона Ди — Артур Ди.

Но обратите внимание на то, в какое время его направили «лекарствовать» на Руси — ведь это был период не только начала правления новой династии Романовых, но и то самое время, когда едва ли не одновременно с восшествием Михаила Федоровича на престол Русь оказалась втянута в печально знаменитую по европейской истории Тридцатилетнюю войну. Эта, основанная на противоборстве двух течений в христианстве, война велась за контроль над миром между постепенно ослабевавшим, но все еще достаточно могучим католицизмом и день ото дня набиравшим силу протестантизмом. И Россия, вопреки всем своим национальным интересам, требовавшим в целом оставаться нейтральной, вступила в этот многолетний ожесточенно кровавый конфликт на стороне антигабсбургской, т.е. протестантской коалиции. Причем не просто на стороне антикатолической антигабсбургской протестантской коалиции, но именно как «Третий Рим» против Священной Римской империи германской нации (так называлась империя Габсбургов).

Это был блестящий дипломатический маневр — втянуть Россию в такое уникальное по своей сути противоборство! «Священный долг — учиться у своих врагов» — поэтому и четыре века спустя не считаю зазорным снять шляпу. Кончилось все это весьма плачевно для России: в тексте завершившего этот тридцатилетний общеевропейский конфликт Вестфальского мира 1648 г. имя московского государя стояло на предпоследнем месте — ниже его был захудалый трансильванский князь. А до этого — в 1634 г. — унизительный Поляновский мир, после — в 1648 г. — до сих пор отравляющий историческую память России и Польши Андрусский мирный договор, далее — в 1661 г. — унизительный Кардисский договор и еще много такого, что открыто задевало честь и достоинство допетровской Руси. И уж вовсе неудивительно, что всего за два года до рождения Петра I появился первый в истории Европы общеевропейский геополитический план колонизации и закабаления России!

Оценивая спустя века состояние допетровской России, российский ученый-историк академик Е.В. Тарле прямо подчеркивал, что к концу XVII века положение России «поставило еще в допетровском поколении перед сколько-нибудь прогрессивно и самостоятельно мыслившими людьми грозный вопрос о возможности сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении в широком смысле этого слова». Вот ужасные в своей реальности последствия казалось бы банального для средневековой Европы отравления монарха другой страны.

А Московская торговая компания все еще действовала — окончательно ее выгнали из Московии только в 1649 г. при «тишайшем» царе Алексее Михайловиче.

Традиция подлости и самого низкого коварства Англии по отношению к России, вечно реализовывавшаяся руками секретной службы их британских величеств, прошла через века, ничуть не потеряв в весе.

И если измерить эту традицию хотя бы примерно вековым хронологическим шагом и только в части убийств царей, то увидим подлинное лицо подлой и гнусной Англии, почему-то не к месту называемой «старой и доброй».

Уже в начале XVIII века, осатанев от бессильной злобы на Россию Петра I, уверенно выходившую в Балтику, а до того обретшую еще и выход в Каспий, английская секретная служба в лице своего петербургского резидента Джеффериса вышла к королю Георгу I с официальным предложением о проведении в 1719г. разведывательно-диверсионной операции по захвату и физической ликвидации участников Аландского мирного конгресса. И не просто разведывательно-диверсионной операции, но операции под чужим флагом,

откровенно подгадывая при этом под планировавшееся тогда прибытие на Аланды Петра I.

На поле брани убить или пленить государя, предводительствующего своими войсками, — это одно, но планировать на высшем монаршем уровне операцию по захвату и ликвидации государя другой державы, тем более не находящейся в состоянии войны с Англией, — это уж слишком даже для английской короны. За всю историю России ни одно государство, ни один монарх мира не опускался до такой низости!

Прошел еще почти один век, и в ночь на 12 марта 1801 г. в результате заговора был убит император Павел I. За кулисами заговора, а по сути-то гнусного преступления, стоял английский посол Уитворт, одновременно выполнявший и функции резидента британской разведки.

Оставляя пока за скобками иные события геополитического характера и убийства других видных российских деятелей, к чему активно прикладывала свои грязные руки британская секретная служба, напомним, что 1 марта 1881 г. был злодейски убит император Александр II, а год с небольшим спустя — 16 июня 1882 г. — отравлен выдающийся русский полководец Михаил Дмитриевич Скобелев. В обоих случаях корни заговоров и все следы настолько откровенно вели в Лондон, что тому пришлось на время притихнуть.

Опять— таки опуская пока геополитические аспекты -об этом разговор еще впереди, — напомним, что в последующие без малого четыре десятилетия Россия не только лишилась еще двух императоров — Александр III убит, Николай II свергнут и тоже, возможно, убит, но и попросту перестала быть сама собой как Российская империя.

И опять— таки все без исключения прямые и косвенные улики прямо указывают на Лондон: ставшая подлым ударом в спину союзника, т.н. «февральская революция» явилась делом рук британской секретной службы и ее пособников из числа внутрироссийских предателей. Даже сам план, даже сам сигнал к началу «революции» -и то были разработаны в британском посольстве в Петербурге при активном участии в т.ч. и посла Джорджа Бьюкенена.

Так называемый «октябрьский переворот» 1917г. также стал результатом закулисной деятельности британской секретной службы, потому как Германия никогда не пошла бы на это даже при всех своих связях с Лениным до тех пор, пока не получила бы прямое согласие Лондона на «свободу рук на Востоке» в обмен на «перемирие на Западе», договоренность о чем была достигнута еще на августовских 1917г. секретных переговорах между Великобританией и кайзеровской Германией.

Сейчас, в свете недавно вскрывшихся убийственных для демократической России фактов, свидетельствующих о невероятном историческом подлоге с похоронами т.н. останков невинно-убиенного государя императора Николая II и его семьи, уже невозможно говорить с уверенностью, что же на самом деле произошло тогда и кто виноват. Но надо помнить главное — именно британская королевская семья откровенно воспрепятствовала всем попыткам вывезти семью императора, отказав не только в присылке британского крейсера, но и даже в теоретическом предоставлении приюта на Западе, особенно в Англии.

За каждым из этих злодейств — одна и та же геополитическая причина, проистекающая из уникального статуса России, как единственной в мире единой трансконтинентальной евразийской державы.

Конечно, за истекшие пять веков британская секретная служба не ограничивалась одной только специализацией на политических убийствах. Ее интересы были и остаются куда как более чем широки. Но прежде, чем бегло упомянуть о них, необходимо отметить чрезвычайно важную, фактически предопределяющую тактику и стратегию британской секретной службы черту. Никогда она не была многочисленной разведывательной службой — СИС никогда не стремилась к разбуханию кадрового аппарата. Однако во все времена она оказывалась чрезвычайно эффективной, что нередко порождает ложные впечатления о ней.

Дело в том, что на протяжении веков малочисленность ее кадрового аппарата всегда компенсировалась… масонством. В первую очередь, естественно, британским масонством, для которого секретность деятельности и применение тех же самых «специальных средств»

— такие же альфа и омега деятельности, как и для разведки. В Англии же процессы зарождения, становления и развития как самой секретной службы, так и масонства всегда шли рука об руку, и было бы весьма удивительно, если бы они не оказали друг на друга соответствующего, глубоко взаимопроникающего влияния. Ведь Англия, тем более века назад, никогда не имела достаточно населения, чтобы вести ожесточенную борьбу за место под солнцем, опираясь преимущественно на вооруженные силы. Тем более что на протяжении веков (особенно в XVIII в.) о британских сухопутных силах говорили не иначе, как об армии львов, предводительствуемой ослами (это слова самого герцога Веллингтона).

А вот флот был, всегда был мощным, и таковым остается и по сей день. Но флот требовал и требует постоянных опорных баз вдали от родных берегов. А это, тем более в свете стоявшей задачи строительства мощного королевства, а затем и империи, требовало применения совсем иных средств и методов, нежели просто вооруженные силы. Тем более что, имея в качестве предполья огромное водное пространство, Англия очень долгое время не так нуждалась в мощной сухопутной армии, как континентальные державы.

Так «специальные средства и методы» заняли лидирующие позиции среди всех средств и методов строительства и королевства, и империи. И на первом месте оказались «специальные средства и методы» зарождавшегося тогда прототипа современного масонства. Но в этом прототипе был сконцентрирован весь обобщенный, тщательно оберегаемый, но столь же тщательно и проанализированный, синтезированный в выводах и практических рекомендациях для последующего применения в новых исторических условиях чрезвычайно богатейший и бесценный опыт многовековой истории. Истории подрывной деятельности различных секретных и тайных обществ и движений многих народов мира. И этот бесценный по своему непреходящему значению опыт был поставлен на вооружение зарождавшихся тогда и британской секретной службы, и британского масонства.

Непосредственным же передаточным звеном явилась многоопытная, виртуозно владевшая этим опытом, в т.ч. и особенно на стыке двух миров (Запад — Восток), венецианская разведка и действовавшие рука об руку с ней различные тайные движения также венецианского происхождения. Именно эта черта — фантастически виртуозное умение, пожалуй, точнее будет термин «искусство» — работать на стыке Запад — Восток, причем как вдоль силовых линий их противоборства, так и в узловых точках их пересечения, — стала не только одной из первых среди главных отличительных особенностей СИС, но и предопределила ее фантастически прозорливую геополитическую интуицию.

Сюда же и едва ли не на правах неотъемлемого компонента вплотную примыкает и не менее изумительное ее искусство действовать сразу на нескольких аренах противоборства, зачастую даже внешне полностью взаимоисключающих друг друга — искусство, пришедшее непосредственно из масонства, где оно укладывается в также незамысловатую формулу «единство в многообразии».

«Такого рода плюрализм, — отмечает известный российский специалист по истории масонства и разведки Л. Замойский, — позволяет масонству (а соответственно и разведке. — А.М.) привлекать сторонников, политически отстоящих друг от друга весьма далеко, а затем канализировать их движения так, чтобы разные колонны маршировали в одном, по сути дела, направлении».

Именно отсюда проистекает нередко ставящее «в тупик сочетание в масонстве радикальных, демократических, освободительных тенденций с консервативными, крайне авторитарными». А также не менее успешно ставящее в тупик умение СИС работать и с национально-освободительными движениями, и радикальными революционными течениями, и крайне агрессивными религиозно-идеологическими движениями, не говоря уже о всякого рода карбонариях, народовольцах, повстанцах, социалистах, марксистах, коммунистах, террористах, национальных сепаратистах и прочих бандитах всех мастей.

Здесь же, в качестве также неотъемлемого компонента можно обнаружить и потрясающее умение и секретной службы, и масонства Великобритании инспирировать, нередко с чужого плацдарма и под чужим же флагом (т.е. якобы в силу объективного

стечения якобы объективных же обстоятельств), зарождение новых идеологических течений и движений подрывного характера, но геополитической направленности. Здесь же и умение совершенно аналогичным же образом инспирировать якобы контрдвижения, т.е. в противовес уже созданным, сопровождая и то, и другое инициацией структурно-организационного оформления в соответствующие движения, течения, союзы, партии, альянсы, интернационалы и т.п. и, сшибая их лбами, извлекать из этого для себя пользу, главным образом геополитическую.

Естественно, что такой набор «специальных средств и методов» уже физически не мог обойтись и без великолепного же умения работать как с чужого плацдарма, так и под чужим же флагом. Причем нередко и тот, и другой могут оказаться многоступенчатыми во избежание провалов и обвинения в незаконной деятельности. Кстати говоря, это одно из объяснений того, почему провалы с поличным в британской разведке очень редки, а во многих контрразведках мира, в т.ч. и в российской, а до этого и в советской — лучшими асами считаются именно те, кто работает против СИС.

В этот же арсенал британских спецслужб входит и филигранно отточенное, фактически переходящее в искусство умение широко привлекать к своим операциям интеллектуальную и деловую элиту, а то и «сливки общества» из числа аристократов, в т.ч. вплоть до представителей королевской фамилии. И это умение также пришло из масонства.

Не менее бесценным богатством в этом арсенале числится и столь же виртуозное умение заблаговременно подбирать контингент пособников на вырост в целях их дальнейшего использования в наиболее грязных и чреватых громкими скандалами в случае разоблачения операциях — от идеологических диверсий до откровенного террора. С этим же обстоятельством также связано и искусство тонко работать с предателями и изменниками, откуда они ни были бы. Характерно, что прекрасно зная, что перед ней отбросы общества, британская разведка преднамеренно и очень тонко возвышает их в собственных же глазах, сажая тем самым на столь плотный крючок, с которого они никогда не смогут сорваться.

Чрезвычайное место в этом арсенале занимает политически и геополитически поистине бесценное искусство, ничем не выдавая ни своей причастности, ни, тем более, своей заинтересованности, будоражить умы целых поколений многих обществ различных стран всевозможными «интеллектуальными продуктами», апеллирующими к характерным для любого нормального человека чувствам справедливости (в т.ч. и исторической), борьбы против зла и насилия, взывающими к чести и достоинству, и даже к чувству прекрасного (в литературе, искусстве, музыке, живописи). Причем именно в этом «искусстве» особое место занимает умение провоцировать увод целых обществ и государств с эффективных для их развития путей, представляющих колоссальную опасность для самой Великобритании. С этим же связано и умение, также ничем не выдавая ни своей заинтересованности и причастности, провоцировать буйное, но крайне пагубное увлечение всевозможными ложными идеями и мифами в различных сферах общественно-политической и экономической жизни, истории и т.д. Вплоть до откровенного же опорочивания той же подлинной истории, однако же только чужими руками и с чужого плацдарма8.

И конечно, было бы очень удивительно, если бы в этом арсенале не оказалось бы и великолепного, филигранно отточенного искусства чужими руками сдавать наиболее опасных своих соперников и противников на расправу (законную или незаконную — это СИС никогда не интересовало) их же противникам. При этом ничем не выдавая ни своей заинтересованности, ни причастности, даже косвенно, даже спустя многие годы и десятилетия, но преследуя при этом цель нанести беспрецедентно непоправимый урон любому своему геополитическому сопернику. Потому что у Англии, а затем у Великобритании не было, нет и никогда не будет ни вечных друзей, ни вечных противников — у нее есть только вечные интересы. А в России особенно.

Этот весьма беглый экскурс в историю потребовался для того, чтобы как можно нагляднее и точнее показать, с какой конкретно родословной разведка оказалась причастна к истории с «заговором маршалов» и к многолетней шумихе вокруг нее.

Однако главное в том, что, зная теперь, о ком нужно вести речь, можно смело переходить и к главному вопросу расследования: почему именно британская разведка оказалась причастна к этому? Ведь разведка вообще, и британская в частности — это особо острый инструмент государства для защиты своей национальной безопасности и национальных интересов. Следовательно, совершенно обоснованно поставить во главу угла дальнейшего расследования следующий принципиальный вопрос: какие конкретно свои национальные интересы Великобритания преследовала и преследует вот уже без малого семь десятилетий кряду и каким образом эти интересы соотносились и соотносятся с ее же национальной безопасностью?

Это тем более важно, если учесть, что поскольку разведка любого государства мира, хотя и специальными средствами, но неминуемо копирует политику своего же государства в сфере защиты национальной безопасности и национальных интересов, то у британской эта наследственная черта всех разведок отмечена неизгладимой печатью одной, весьма специфической, особой традиции британской внешней политики. Как ни одна разведка мира, британская с необычайной, веками неиссякающей силой жестко привержена принципу «континуитета», т.е. «преемственности» — как-никак, но уже свыше пяти столетий следует одним и тем же курсом.

Менялись и бесследно исчезали общественно-экономические формации и политические режимы, вспыхивали и угасали революции, исчезали целые племена и народы, гибли под ударами времени и врагов целые империи, сменялись эпохи, изменялся самый облик земной цивилизации, но принцип «континуитета» в политике Великобритании и ее разведки остается абсолютно незыблемым. Как и сам краеугольный камень политики Великобритании, выраженный в чеканной формуле: «У Великобритании нет ни вечных врагов, ни вечных союзников, есть только вечные интересы».

«Вечные интересы» Великобритании уже не один век укладываются в прокрустово ложе знаменитой британской триады:

— принцип соблюдения «равновесия сил» (часто используется ситюним «баланс сил»);

— принцип недопущения господства какой-либо великой державы на подступах к Индии, на сухопутных и морских коммуникациях, ведущих из Европы в Индию и обратно (со второй половины XX века произошло расширение трактовки — теперь вместо Индии следует иметь в виду Азию вообще);

— принцип сохранения британского господства на морях (со второй половины XX века и здесь произошло расширение трактовки — будучи абсолютно не в силах после Второй мировой войны в одиночку обеспечивать соблюдение этого принципа, Великобритания вынужденно приняла на вооружение принцип сохранения господства англосаксонского Запада на морях, уступив тем самым «пальму первенства» США).

Этими же принципами много веков кряду определяется и само понятие национальной безопасности Великобритании, а соответственно, и стратегическая оценка природы угроз, возникающих для нее.

Таким образом, если вернуться к принципиальному определению разведки, как особо острого инструмента государства для защиты своей национальной безопасности и национальных интересов, то вполне естественен, обоснован и закономерен следующий принципиальный вывод: если британская разведка оказалась изначально (т.е. с 1939 г.) причастной к пропагандистской шумихе вокруг «дела маршалов» и в то же время вплоть до наших дней не покидая продолжает участвовать в этой пропагандистской кампании, то, следовательно, именно британская разведка и тогда, и сейчас защищала и защищает высшие национальные интересы и национальную безопасность Великобритании!

И, следовательно, заговор не только реально существовал, но и реально представлял угрозу высшим интересам национальной безопасности Великобритании. Однако едва ли не важнее то, что целый ряд обстоятельств, связанных с «заговором маршалов», почему-то продолжает представлять угрозу высшим национальным интересам Великобритании, иначе десятилетиями ее разведка не продолжала бы поддерживающую кампанию давно

проведенной операции.

Всей своей многовековой деятельностью СИС — как обобщенное понятие всей британской разведки со всеми ее предтечами и преемниками — абсолютно обоснованно заслужила право называться самой прагматичной разведкой мира.

Как и сама Великобритания в своей внешней политике, так и ее разведка в своей практической деятельности при необходимости без каких-либо негативных последствий занимали позицию splended isolation, т.е. «блестящей изоляции». Она, тщательно собирая и анализируя информацию, наблюдает за развитием ситуации со стороны, чтобы в нужный момент молниеносным ударом добиться «выигрыша в последнем сражении». Веками это положение являет собой краеугольный камень знаменитой концепции «иммунитета» Великобритании от поражений. А тут уже без малого семь десятилетий «засвечивается» на одном и том же вопросе?!

Значит, действительно есть что-то такое, вследствие чего она упрямо идет на это, хотя прямолинейность — отнюдь не ее черта. Почему же она ведет себя таким образом, что скрывается за этим «что-то», какие обстоятельства, связанные с заговором, и по сей день тревожат британскую разведку, а на деле — саму верхушку правящей элиты Великобритании. Забегая вперед, отметим лишь несколько моментов.

«Версия № 4» появилась как неотъемлемый компонент выпущенного под конец 80-х годов XX столетия глобального геополитического мифа о «Ледоколе», автором которого официально выступил пресловутый предатель и псевдоисторик из конюшни британской разведки Виктора Суворов (он же Владимир Богданович Резун). Главная цель этого мифа — свалить в глазах позабывшего все на свете общественного мнения, в т.ч. и в России, ответственность за развязывание Второй мировой войны на И.В. Сталина и СССР. А в итоге полностью ликвидировать весь геополитический расклад в мире, выкованный грандиозными победами Советской армии. Фактически задача выполнена (в т.ч. и при участии Резуна) — Союз развален, геополитические позиции России отброшены едва ли не ко временам Ивана Калиты, в лучшем случае — Ивана IV.

Однако же реальных доказательств преступлений Сталина на этот счет не обнаружено до сих пор — ни в архивах, как не извращали документы алчущие «славы и наживы» псевдоисторики, ни в каких бы то ни было исторических исследованиях, срывающихся в штопор оголтелого антисталинизма тех же «историков».

Потому, что их не обнаружили даже заинтересованные в этом нацисты, о чем во всеуслышание заявили еще на Нюрнбергском процессе. Потому, что их попросту никогда не существовало в природе!

Зато есть документальные доказательства, свидетельствующие не только о прямой причастности верхушки правящей элиты Великобритании к целенаправленному развязыванию Второй мировой войны, но и о прямой причастности британской королевской семьи к этим преступлениям против человечества.

После разгрома нацистской Германии по указанию короля британская разведка в срочном порядке выкрала и перевезла на острова свыше 400 тонн документов германских архивов, в которых содержались компрометирующие данные. Более того, все, что касалось лично королевской семьи, было изъято в результате проведенной британской разведкой операции. Ее проводил выдающийся агент советской внешней разведки Энтони Блант (кстати говоря, родственник нынешней королевы Елизаветы II).

Но вот что интересно. Документы, затрагивающие честь и достоинство, а также международный престиж британской короны, Блант выкрал непосредственно из Голландии. Но ведь именно через эту страну пролегал основной канал нелегальной связи Гитлера с британской короной, который поддерживался усилиями сына последнего германского кайзера Вильгельма II — кронпринца Фридриха-Вильгельма и его жены Цецилии, которые вместе с кайзером осели в Голландии после Первой мировой войны.

И в то же время в этом маленьком, но чрезвычайно значимом в предвоенных англо-нацистских интригах поместье кайзера и его сына скрещивались и нити заговора

антигитлеровски настроенных генералов вермахта и антисталински настроенных советских генералов. А поддержание связи между ними осуществлял автор «версии № 1» образца 1939 г. предатель Вальтер Германович Кривицкий (Самуил Гершевич Гинзбург). И еще. Апогей функционирования этого пути во всех направлениях нелегальной связи, т.е. как между Гитлером и британским королевским двором, так и между обеими частями «двойного заговора», точно совпадает с началом разоблачений, а затем и ликвидацией обоих заговоров — в период с 1936 по 1938 г.

Вот почему даже тень намека на подлинную правду обо всех обстоятельствах, связанных с обоими заговорами, чрезвычайно, едва ли не как сами они же, опасна для Великобритании.

Один маленький вопрос, как лакмусовая бумажка: если бы не было столь серьезных причин, как защита чести, достоинства, авторитета и международного престижа британской короны, стала бы британская разведка со своим прагматизмом десятилетиями «засвечиваться» на глупостях пропагандистской шумихи вокруг «дела маршалов»? Вот почему она тогда разоблачила оба заговора, вот почему поочередно сдала их — сначала в 1937 г. Сталину (это было выгодно в первую очередь), а потом на рубеже 1937/1938 гг. и Гитлеру. Вот почему она десятилетиями проявляет активность, прикрывая прямую причастность британской короны, поливая несусветной ложью и Сталина, и СССР, и саму Истину, бдительно охраняя тем самым подлинную правду от любых попыток постороннего взгляда.

В порядке естественного для любого исследования сомнения можно допустить и иное. Но тогда следует быть готовым к тому, что за достоверное придется признать, что-де в британской разведке (как, впрочем, и в самой правящей элите Великобритании) прямо-таки «пылали нежнейшей страстью и любовью» к «чудесному грузину», и от того-то и помогли ему разоблачить заговор военных. Что же до антигитлеровского заговора, то из-за того, что верили в миролюбие Адольфа Гитлера, которого воинственные генералы хотели ликвидировать. И опять вопрос в роли лакмусовой бумажки: если столь «изнывали от пылкой любви и страсти» к «чудесному грузину», что даже помогли ему ликвидировать этот заговор, то чего же десятилетиями поливают ложью и грязью Сталина, а значит и себя — ведь сами же помогли. В общем, подобные предположения даже в порядке явно неуместной шутки — не что иное, как контрпродуктивное предположение.

И как это ни парадоксально, но точнее всех этот»вечный интерес» к нашей стране, к нашей великой России сформулировали… нацисты: задолго до привода «титаническими усилиями»

Великобритании Гитлера к власти они открыто называли свою «альма-матер» (т.е.Англию) «прирожденным врагом единой России, заинтересованным в создании на континенте государства, которое будет в состоянии задушить Москву».

Обратите внимание на то, как точно подобраны термины — не «вечный враг», а именно же «прирожденный враг», как точно учтена особенность многовековой британской политики, которую сами же британские политологи прошлого, например, тот же Томас Карлейль, еще в XIX веке называли не иначе, как «обязанность всех континентальных держав вести войны в интересах Англии» и о которой Отто фон Бисмарк говорил: «Англия в войне употребляла европейские государства как «отличную пехоту»…»

Почти за век до Второй мировой войны XX века печально знаменитый в британской истории «лорд-поджигатель», он же премьер-министр Великобритании лорд Пальмерстон, еще в 1851 г., т.е. в самом апогее расцвета могущества викторианской Англии, опиравшейся на уже тогда обширнейшую колониальную империю, произнес: «Как ни неприятны были бы теперь наши отношения с Францией, мы должны их поддерживать, ибо на заднем плане угрожает Россия., которая может связать Европу с Восточной Азией, а одни мы не сможем этому противостоять?!» (выделено мной. — А. М.)

«Великое открытие» сделал этот беспринципный политик: Россия уже с конца XVII века соединяла Европу и с Восточной Азией, и с Дальним Востоком, отчего уже тогда

появились общеевропейские планы уничтожения России и ее расчленения. Но Пальмерстон не был бы классическим британским премьер-министром, если бы при этом не солгал бы: он настолько давно был помешан на «русской угрозе», что его русофобские по форме, но геополитические по сути выходки привлекли пристальное внимание нашего Пушкина — поэт еще в середине 30-х годов XIX века чрезвычайно метко съязвил по адресу Пальмерстона:

Вот, в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом.

Воеводой Пальмерстон, конечно, не был. Но его деятельность на посту министра иностранных дел Великобритании была настолько агрессивной, особенно по отношению к России, что больше ему подходил термин «воевода», нежели «министр иностранных дел».

Великий поэт великолепно и очень точно подметил саму геополитическую суть — «поражает Русь на карте…» — старинной патологии во внешней политике Великобритании (помните, принцип «континуитета», т.е. «преемственности», незыблем в веках!). И это действительно старинная, ничем не излечимая патология, своего рода «английская болезнь», которой уже веков пять.

Выше мы уже рассказывали о событиях, связанных с отравлением Ивана Грозного и причастности тогдашней британской разведки к этому злодеянию. Но ведь то же самое происходило и в последующем — любые действия России в ареале ее геополитического бытия, предпринимавшиеся по соображениям национальной и государственной безопасности, не только воспринимались Великобританией крайне враждебно и расценивались не только как серьезные угрозы ее национальной безопасности, но и как адекватные угрозам основания для совершения самых злодейских преступлений против России и ее государей.

Хотя бы бегло, но вспомним еще раз о том, что было в истории.

Петр I обеспечил России выход на Балтийское море и далее в Атлантику, выход в Каспийское море, заложил основы не только могучей империи, через территорию которой проходили (и проходят) все важнейшие сухопутные, сухопутно-речные, сухопутно-речные-морские и сухопутно-морские пути на Восток и Юго-Восток, но и Российского флота открытого моря. Каков же ответ «доброй старой» Англии? Планирование разведывательно-диверсионной операции по захвату участников Аландского мирного конгресса с расчетом на одновременный захват и самого российского самодержца с последующей его ликвидацией!

Павел I вступил в союз с Наполеоном — каждое государство вольно по своему усмотрению вступать в союзы с другими государствами, — стал главой Мальтийского ордена (остров Мальта, между прочим, при всей своей малой величине имеет громадное значение в стратегической расстановке сил в Средиземноморье), двинул корпус донских казаков под командованием знаменитого в будущем Платова на южные рубежи в направлении Индии. Причиной начала последней операции стали активные попытки Англии из Северной Индии прорваться и закрепиться в регионе, который впоследствии был назван «южным подбрюшьем» России — т.е. в Среднюю Азию и Казахстан, что уже с конца XVIII века представляло серьезную угрозу безопасности Российской империи (именно поэтому Павел I еще до направления корпуса Платова, в 1798 г. направил туда с секретной миссией известного российского военного разведчика Бурнашева).

И каков же был ответ «доброй старой» Англии? А не прошло и двух месяцев с начала похода Платова, как в результате инспирированного и профинансированного английским послом-резидентом Уитвортом заговора при активнейшем участии англофильствовавших российских масонов Павел I был злодейски убит.

Кстати говоря, удобный случай показать действие принципа «континуитета» на межличностном уровне, точнее, в порядке межличностной преемственности: посол-резидент

Великобритании в России Чарльз Уитворт был дальним потомком английского посла, состоявшего еще при Петре, — также Чарльза Уитворта, который всячески, вплоть до грубейшего нарушения статуса посла, мешал России в законном обретении выхода на Балтику. Он даже пытался навязать России британский арбитраж в балтийских делах, за что, естественно, получил свирепый разнос от грозного самодержца.

Небезынтересно было бы также отметить и то, что не без британских усилий Павел I стал наиболее оболганным, что называется, донельзя оболганным императором России. Почему? Да потому, что он первым среди русских царей предпринял попытки радикальных, едва ли не всеобъемлющих реформ, которые могли бы без особых потрясений вывести Россию на индустриальный путь развития, в т.ч. и за счет отмены крепостного права еще в начале первой половины XIX века. Но ведь активно трансформировавшаяся в «индустриальную мастерскую мира» Великобритания вовсе не жаждала иметь такого конкурента. Тем более что не Россия нуждалась в Европе, а Европа нуждалась в России и в производимых ею товарах, в т.ч. и сама Великобритания, особенно ее флот.

Начавший с «отцеубийства», но все-таки трансформировавшийся в державника Александр I, после разгрома Наполеона вынужден был озаботиться проблемами безопасности на южных рубежах, на Кавказе. И тут же получил «английский дар» — при самом непосредственном участии английской агентуры, но руками турок было положено начало многолетней кровопролитной Кавказской войне. В самой же России усилиями подставных лиц и масонов стал вызревать заговор против императора, вошедший в историю как восстание декабристов, впервые разработавших уже собственно российский план геополитического уничтожения вскормившей их Родины путем ее расчленения и дробления на 15 административно-территориальных образований. Естественно, что там, где «души прекрасные порывы» без планов покушения на жизнь императора не обошлось, — их было несколько.

Мало кому известно, что ни в XVIII, ни в XIX веках не было ни одной русско-турецкой или русско-персидской войны, к которым не приложила бы своих рук Великобритания. Державно осмысленная политика Николая I по обеспечению безопасности империи, особенно на восточном, юго-восточном и южном направлениях, непрерывно натыкалась на яростное сопротивление Великобритании. Всем хорошо известны обстоятельства трагической гибели выдающегося писателя и дипломата А.С. Грибоедова в Тегеране в результате провокации, устроенной английской агентурой в ответ на победу русского оружия над Персией и присоединение Восточной Армении к Российской империи.

Меньше известны другие факты геополитического бандитизма Великобритании против России. Это и инспирирование через французскую агентуру т.н. польского восстания начала 30-х годов XIX века, «на редкость» точно подоспевшего к очередной, Англией же спровоцированной русско-турецкой войне. Это и зверское убийство в 1833 г. флигель-адъютанта Николая I, выдающегося русского морского офицера — Александра Ивановича Казарского, чья феерически грандиозная морская победа в крайне неравном сражении с турецким флотом буквально до основания потрясла всю Европу.

Еще в XVIII веке любые попытки России обрести выход в мировой океан с южного направления, т.е. через Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, торпедировались специально для этого поступившими на русскую службу сотрудниками британской военно-морской разведки Джоном Эльфинстоуном и Самуилом Грейгом.

Мало кому известно, что широко известная как Крымская война 1853 — 1856 гг., на самом же деле называлась устроившими ее англо-французскими агрессорами Восточной войной. Что один из первых ударов соединенных англо-французских военно-морских сил тогда — в 1854 г. — пришелся по Петропавловску-на-Камчатке, явно во исполнение не в меру вещего заявления Паль-мерстона от 1851 г. Аза шесть лет до этого, во время т.н. революции 1848 г. во Франции, «восставшие» почему-то не в меру озаботились необходимостью похода на Россию для «освобождения» подданных Российской империи, и, опять-таки, почему-то только поляков. Правда, если учесть, что сотворивший эту

«революцию» при поддержке Англии Наполеон III был агентом влияния лорда Пальмерстона (он к тому времени был уже премьер-министром), то тогда все встанет на свои места.

Автор и инициатор многих либеральных реформ в России в начале второй половины XIX века, интенсифицировавший экономическое развитие России прежде всего за счет отмены крепостного права, восстановивший Черноморский флот, инициировавший бурное железнодорожное строительство в империи, получивший негласный титул Освободителя, едва не взявший Константинополь (англичане откровенно пригрозили войной, если Царьград будет взят русскими) во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и еще много чего полезного сделавший для империи Александр II, был убит в результате злодейского преступления 1 марта 1881 г. Абсолютно все прямые и косвенные улики указывали на Лондон. А до того Александр II получил и вовсе «королевский сувенир» из Лондона — т.н. польское восстание начала 60-х годов XIX века, инспирированное агентом влияния Пальмерстона, знаменитым в те времена международным бандитом и террористом Джузеппе Мадзини, «подвиги» которого всегда щедро оплачивались фондом Тибальди, созданным одним из руководителей британской разведки того времени Джеймсом Стэнсфильдом.

Правда, само «революционное бузотерство» поляков оплачивалось фальшивыми царскими рублями, которые в изобилии штамповали несколько специально созданных банкирами Сити подпольных фабрик — на этом, в частности, сильно погорел дядя знаменитого психиатра Зигмунда Фрейда — Иосиф Фрейд.

Другой личный агент влияния Пальмерстона — Арминиус Вамбери — прославился не столько тем, что был ловким евреем и сионистом, сколько тем, что будучи советником у турецкого султана, по указанию из Лондона впервые сформулировал «концепцию пантюркизма», одновременно спровоцировав массовый исход вайнахов из России в Турцию. Впоследствии, по мере возрастания интереса России к Средней Азии, Арминиус Вамбери под видом дервиша занимался тем, что пытался разжечь в этом регионе пламя мюридизма.

Британскую разведку в те времена вообще тянуло на глобальные проекты, крайне негативные последствия которых человечество пожинает до сих пор. В 70-х годах XIX века одному из руководителей британской разведки — Уилфреду Бланту (кстати говоря, дальнему родственнику выдающегося агента советской внешней разведки Энтони Бланта) пришло в голову разработать для противодействия России концепцию панисламизма. К чему это привело в начале XXI века, объяснять не надо.

Замиривший страну, установивший крепкий порядок, продолживший курс на бурное экономическое развитие империи, ставший подлинным инициатором строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, воистину соединившей Европу с Азией по суше, Александр III после недолгого правления — убит.

Именно в период его правления лично против него и против возглавлявшейся им империи был разработан глобальный план перманентной мировой войны. Он имел целью полное уничтожение России и как государства, и как страны, вплоть до состояния «русской пустыни». Реализация плана осуществляется до сих пор. Он был разработан в Великобритании, опубликован в 1890 г.

За участие в церемонии символический закладки первого костыля будущего Транссиба получивший японским палашом по голове, инициировавший строительство Китайско-Восточной железной дороги (знаменитая КВЖД), продолживший курс на бурное экономическое развитие России (рубль золотого стандарта был более чем почитаемой валютой во всем мире), Николай II тут же получил и Всероссийский БУНД, и РСДРП, и русско-японскую войну, и т.н. революцию 1905 г. — и все с английским душком. Как установила еще царская полиция, оружие и деньги «революционеры» получали из Англии, а те политические силы, который оплачивалось якобы японскими деньгами, то ли не ведали, то ли не желали ведать, что «тридцать Иудиных сребреников» — имеют либо английское, либо американское происхождение. Многие педалируют вопрос о том, что деньги эти были еврейского происхождения. Однако, несмотря на этот полностью соответствующий истине

факт, исходить надо не из этнического фактора, а из геополитического, ибо к тому моменту и США уже совершенно открыто начали претендовать на геополитическую гегемонию во всем мире.

Затем Россия была втянута в Первую мировую войну (предусмотренную в упоминавшемся выше плане перманентной мировой войны против России, впрочем, и Вторая там тоже была предусмотрена). А в самый канун уже ни у кого не вызывавшей сомнения феерической победы русского оружия весной 1917г. Николай II получил т.н. февральскую революцию, о необходимости свершения которой столь долго радела Великобритания и над осуществлением которой в грязном поте лица долго и рьяно трудились англофилы типа Милюкова, Гучкова, Львова, Керенского и т.п. негодяи, действовавшие по прямому предписанию британского посольства в Петербург.

Весть об этом беспрецедентном злодействе в отношении не только ближайшего союзника Великобритании, но и ближайшего родственника британского короля Георга V, британский парламент воспринял стоя и аплодисментами, отметив попутно, что «цель войны — достигнута» (из заявления Дэвида Ллойд Джорджа в парламенте).

Что было потом, всем хорошо известно. Надо отметить лишь одно — удивляться следует не тому, что именно британская королевская семья открыто противилась спасению Николая II и его семьи, отказывая и ему, и его семье даже в теоретическом приюте на Западе, а тому феноменальному лицемерию, с которым весь XX век британская королевская семья якобы горевала по поводу невинно убиенного российского самодержца.

Все вышеприведенные факты, а их во сто крат больше, совершенно однозначно свидетельствуют о том, что эпохи могут меняться, но ничто и никто не в состоянии изменить вечные интересы «доброй старой Англии», которая не остановится ни перед каким преступлением, дабы соблюсти эти свои вечно подлые «вечные интересы», опирающиеся прежде всего на т.н. «равновесие сил». Именно в этом специфическая природа постоянной агрессии Великобритании в отношении остального окружающего мира, но агрессии уникальной тем, что она всегда выдается за миролюбие.

Один из наиболее авторитетных политологов и публицистов Великобритании начала XX века Норман Энджел еще в 1923 г. отмечал, что «баланс сил» в действительности всегда «означает стремление создать превосходство сил на нашей стороне… Позиция, которую мы занимаем, в этом случае означает, что мы… не терпим существования настолько сильной группы соперничающих с нами государств, сопротивление которой было бы для нас безнадежным, которая обрекла бы нас на постоянно подчиненное положение в дипломатии, а наше свободное передвижение по земному шару могло бы иметь место лишь с ее молчаливого согласия. В этом Becbraison d'etre «баланса сил» (т.е. весь смысл «баланса сил». — А. М.).

Принцип «баланса сил» означает в действительности требование превосходства. Требование превосходства сил означает акт агрессии». То есть, проще говоря, на протяжении пяти веков краеугольным принципом всей политики Великобритании, а соответственно, и ее разведки, является агрессия против окружающего мира! Но агрессия вообще, тем более как постоянный, многовековой краеугольный принцип не только политики, но и по сути дела-то, самого существования британского государства, лишь тогда дает какой-либо эффект, когда она не только внезапна (в т.ч. и своим вероломством), но и осуществляется в упреждение.

Отсюда и постоянная обязанность британской разведки заблаговременно выискивать еще только могущие стать реальными угрозы Великобритании, и еще более агрессивно, на упреждение, бороться с ними.

Чем, например, могла Россия угрожать Великобритании в том же 1851 г., о чем с таким пафосом говорил Пальмерстон? За год до этого его высказывания (в марте 1850г.) талантливый российский разведчик граф Яков Николаевич Толстой зафиксировал спровоцированный Пальмерстоном рост дикой русофобии в Англии, а 27 марта того же года впервые сообщил в Петербург об угрозе войны Англии против России. Все дело в том, что лоб в лоб тогда столкнулись две новые эпохи — одна в истории Англии, другая — в истории

мировой цивилизации:

— адекватно реагируя на настроения правящей элиты, пребывавшей в эйфории расцвета могущества империи, Пальмерстон провозгласил эпоху создания новой Римской империи с центром в Лондоне — как он сам же и заявил, «каждый британец — житель нового Рима»;

— однако именно в это же самое время окончательно наступила и эпоха железнодорожного транспорта — Великобритания первой в мире вступила в нее. Именно в существе этой эпохи и была усмотрена угроза для Великобритании, потому что именно железнодорожный транспорт мог и в итоге действительно реализовал пассивный дотоле фактор необозримых трансконтинентальных пространств: Россия превращалась в могучий, практически ничем непреодолимый геополитический фактор громадной и достаточно гибкой силы со всеми вытекающими отсюда крайне негативными последствиями для' Великобритании как для великой морской державы. Ибо с железными дорогами и выходами к морям и океанам соединяющая Европу и Азию Россия объективно выдвигалась на роль лидера во всем мире.

Это был своего рода исторический момент истины, когда верхушка правящей элиты Великобритании впервые в полном объеме столкнулась и в полной же мере осознала то, о чем всего спустя полвека с небольшим выдающийся британский геополитик Хэлфорд Маккиндер скажет: «Континентальные и морские державы противостоят друг другу как в сфере идеалов, так и на материальном уровне и в выборе средств развития».

Утаить от всего мира, в т.ч. и от России, железнодорожный транспорт было невозможно. Бороться же против развития железнодорожного транспорта, в т.ч. и в России, — и вовсе нереально. Выход Великобритания увидела один — в превентивной войне против России. В войне именно же на геополитическое уничтожение с тем, чтобы не допустить развития железнодорожного транспорта на территории России, которая в результате превратится в фактор не только неиссякаемой, но и попросту непреодолимой силы.

Просто в намеке на возможное в будущем возникновение идеи строительства Транссибирской магистрали, и тем более КВЖД, Англия интуитивно увидела глобальную стратегическую угрозу своим национальным интересам.

Ни тогда, ни тем более в будущем, никаких оснований, даже тени намека на какие бы то ни было основания для таких выводов у нее не было и быть не могло. Ведь железные дороги в России строились на суверенной российской территории. А в тех случаях, когда они выходили за пределы границ России, строительство осуществлялось на основе межгосударственных договоров, без колониального разбоя, столь характерного для «доброй старой» Англии.

Вот этот неподдельный страх перед фактом, что Россия в силу особенностей своего уникального статуса единственной в мире единой трансконтинентальной евразийской державы на самом деле соединяет Европу с Азией, что в условиях новой эры — эры железнодорожного транспорта — может положить конец морскому могуществу Великобритании и, соответственно, мировому господству Великобритании, приводил ее правящую элиту в ужас. Она почти за полвека до начала разработки проекта Транссибирской магистрали свой неподдельный страх аргументировала практически теми же дефинициями, которыми в конце XIX века С.Ю. Витте оперировал в своем знаменитом докладе Александру III под многозначительным названием «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути»:

«— Сибирский путь установит непрерывное рельсовое сообщение между Европой и Тихим океаном и, таким образом, откроет новые горизонты для торговли не только русской, но и всемирной;

— Россия сможет воспользоваться как всеми выгодами посредника в торговом обмене произведений Востока Азии и Западной Европы, так и выгодами крупного производителя и потребителя, ближе всех стоящего к народам азиатского Востока (употребленное С.Ю. Витте слово «произведений» в то время подразумевало только продукцию. — А.М.);

— строительство Великого Сибирского железнодорожного пути относится к событиям, какими начинаются новые эпохи в истории народов и которые вызывают нередко коренной переворот установившихся экономических отношений».

Невзирая на весь пафос слов Витте, на самом же деле подобных планов у царского правительства не было и в помине — речь игла об использовании собственно российской территории, суверенитет государства российского над которой никому тогда не приходило в голову оспаривать. Причем только об использовании в интересах экономического развития Российской империи, что было абсолютно естественным и законным желанием и намерением. Но это было позже.

А тогда — в упреждающем режиме и была спровоцирована еще в середине XIX века Восточная война. Вот почему один из первых ее ударов пришелся по российскому Дальнему Востоку с одновременным ударом по Крыму. Вот почему именно во время этой войны впервые после XVII века были реанимированы старинные общеевропейские планы по геополитическому уничтожению России и разработан новый план расчленения и раздробления России. Так Великобритания работала на упреждение еще только возможной тени еще возможного в будущем намека на потенциальную угрозу.

Вот почему, после краха планов Восточной войны, несмотря на унизительное поражение России, против нее в ход были пущены особо опасные «специальные средства»: научный коммунизм Маркса — Энгельса, т.н. польское восстание, народовольцы, анархизм Бакунина, террор всех мастей и оттенков, социал-демократия всех видов и толков, интернационалы, масонство и т.д. и т.п., пока со страшной силой не грянул 1917 год. Неужели можно подумать, что совпадение между временем принятия глобального плана перманентной мировой войны против России и временем принятия к реализации проекта строительства Транссибирской магистрали — случайность?

Оценивая международное развитие почти век спустя после тех самых слов Пальмерстона, Британский Королевский институт международных исследований (иногда последнее слово переводилось как «дел», отсюда и аббревиатура КИМД. — А. М.) в своем докладе «Политические и стратегические интересы Соединенного Королевства в 1939 году» (помеченном мартом этого года) отмечал: «Постройка Транссибирской железной дороги была политическим событием большого значения. Она глубоко затронула отношения между великими державами Европы.

В первую очередь она дала возможность России в своей дальневосточной политике избавиться от того морского контроля, который в конечном счете осуществляла Англия над европейскими континентальными державами благодаря своему решающему превосходству на море. Со времен Трафальгарской битвы морская гегемония Англии в восточной части Атлантического океана и в Средиземном море не подвергалась угрозе. Англия была последним арбитром в конфликтах, возникавших по вопросам колониальной политики других европейских наций. Одна только Россия, имея свободный доступ в Азию по суше, получала возможность избавиться от британской гегемонии, но до проведения транссибирской магистрали ее продвижение было только возможностью. Поскольку главные средства сообщения России с ее дальневосточным побережьем осуществлялись морем и поскольку она зависела от морского транспорта, она вынуждена была подчиняться английскому морскому могуществу, также как Франция и Германия.

Это положение изменилось тогда, когда на широких пространствах Азиатской России стали появляться железные дороги: во— первых, Транскаспийская (на самом деле -Закаспийская. — Л. М.) железная дорога, которая протянулась до персидской границы и вызвала у британских государственных деятелей «нервозность» в связи с безопасностью Британской Индии; во— вторых, Транссибирская, которая протянулась до берегов Тихого океана, в ближайшем соседстве с Китаем, Кореей и Японией.

Эта военная и политическая угроза для британских интересов в Китае заставила Великобританию к концу последнего десятилетия XIX века искать военных союзников против России. Мысли Чемберлена обратились к Германии. В речи, произнесенной 13 мая

1898 года, он говорил о возможности англо-германского союза, особо подчеркивая необходимость защиты британских интересов в Китае.

Когда из попыток заключить англо-германский союз ничего не вышло, взоры Великобритании обратились к Японии и 30 января 1902 года был заключен англо-японский союз».

Все это не обошлось без откровенной лжи. Россия строила свои железные дороги на своей суверенной территории, и с какой стати ее абсолютно внутренние дела должны вызывать «нервозность» у страны, находящейся за тысячи миль от места событий?

Проявлять «нервозность» по поводу сугубо внутренних дел суверенного государства, тем более делать такие выводы и предпринимать такие шаги — есть не что иное, как акт агрессии или как минимум откровенное посягательство на суверенитет России!

Было бы куда полезней, например, для прояснения вопроса, почему Чемберлен обратился сначала к немцам, а потом к японцам, если бы тот же Королевский институт вспомнил бы, что именно Джозеф Чемберлен давно предвидел, что в конечном счете именно Англия своей неуемной политикой вынудит и Германию, и Россию, и Японию призадуматься над идеей тройственного объединения для отстаивания своих жизненных интересов, и потому первым начал высказываться в пользу англо-германо-японского союза.

Потому, что дело тут прежде всего в том, что уже само начало эпохи бурного железнодорожного строительства ознаменовалось эвентуальными (упреждающими) страхами по поводу глобальных последствий этого строительства, причем в первую очередь последствий геополитического характера.

Если тот же Пальмерстон увидел угрозу в самом факте трансконтинентального характера единой территории России, то в другом уголке англосаксонского мира — в Америке — и по сей день очень почитаемый в кругах геополитиков автор знаменитой книги «The day of the Saxon» Гомер Ли едва ли не одновременно с лордом-поджигателем конкретизировал суть этой угрозы, отметив, что тот день, когда Германия, Россия и Япония объединятся, то этот же день станет последним в истории англосаксонской цивилизации, опирающейся, как известно, на морскую гегемонию!

Позднее эти страхи наполнились беспрецедентно опасным, по мнению интеллектуальной элиты англосаксонского мира, содержанием. Часть этого «мнения» мы уже видели в цитате из доклада Британского Королевского института международных исследований.

Дело в том, что успешно развивая железнодорожную сеть в Европейской части империи, а также в Средней Азии, Россия с началом 90-х годов XIX века приступила к интенсивному строительству Транссибирской железной дороги, а с сентября 1896 г. и к строительству КВЖД, как ответвления Транссиба. Причем и сама КВЖД имела ответвление в лице Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД).

Германия же, примерно с того же времени, окончательно втянулась в строительство знаменитой железной дороги «трех Б» — Берлин — Бизантиум — Багдад (Бизантиум, т.е. Константинополь), — с помощью которой выходила прямиком на аванпосты британских владений в Азии, особенно на подступы к Индии. Кроме того, с 1898 г. Германия закрепилась на Шаньдунском полуострове Китая, где в числе прочих получила также и концессию на строительство двух железных дорог.

Принимая во внимание близкие родственные отношения последнего русского царя Николая II и последнего германского кайзера Вильгельма II — они были кузенами, учитывая особо глубокое проникновение германского капитала в экономику тогдашней России, в т.ч. и особенно в сфере железнодорожного транспорта, включая строительство железных дорог, исходя из того, что железные дороги обеих стран на территории Китая могли быть спокойно «сшиты» на приемлемых технических условиях, тем более что КВЖД доходила до Порт-Артура, и не игнорируя того факта, что обе же державы действительно планировали усилить свою роль в Азии, в т.ч. и в отношениях с Японией, не трудно догадаться, что все необходимые предпосылки для возникновения хотя бы идеи или даже зондажных

переговоров на ту же тему о геополитическом союзе были в наличии.

Тут же последовала и характерная реакция Великобритании — на упреждение. Тот же Джозеф Чемберлен, как указывал КИМД в своем докладе, уже 13 мая 1898 г. выступил с речью на тему об англо-германском союзе, т.е. предложил в опережение событий военный союз Берлину. На самом же деле реакция последовала еще раньше. Обратите внимание на следующее: Германия получила концессии на строительство железных дорог по договору с Китаем от 6 марта 1898 г., а уже 29 марта того же года Джозеф Чемберлен без какого-либо предварительного зондирования обратился к германскому послу в Англии с предложением о заключении союза! Любопытно, что проделал он это в доме Ротшильдов, явно принимая в расчет, что капиталы именно континентальных ветвей этого всемирно известного банкирского клана функционируют и в Германии, и в России. Сугубо по экономическим причинам Берлин тогда отказался, якобы поняв, что его хотят втянуть в антироссийскую сделку. Тогда в 1899 г. Чемберлен повторил свою попытку.

Одновременно со стороны Америки из-под пера ее видного политического деятеля и экономиста Адамса Брукса за три-четыре года до описанных событий последовало откровенно алармистское предупреждение на ту же тему: «Обширное германо-русско-восточноазиатское объединение, которое может быть достигнуто в результате проведения грандиозной трансконтинентальной политики железнодорожного строительства с конечными пунктами на морском побережье Китая, создало бы такую опасность для возрастающей англицизации мира, против которой были бы бессильны любые, даже объединенные британские и американские блокирующие силы».

Оформленная же концептуально как наиважнейшая цель обеспечения национальной безопасности Великобритании (и всего англосаксонского Запада) задача целенаправленной борьбы уже даже с тенью намека на еще только могущую, и то в отдаленной перспективе, стать хотя бы относительно взаимопритягательной для Германии, России и Японии идея тройственного их объединения, стала «архимедовым рычагом». С его помощью Великобритания злоумышленно столкнула весь мир в заботливо, но чрезвычайно искусно, без оставления каких-либо следов для прямых обвинений в будущем, ею же разжигавшееся пожарище Первой мировой войны, в рокочущем пламени которой оба потенциально главных кандидата в «коренники» возможного объединения — Германская и Российская империи — спалили друг друга дотла. Англии же только и оставалось, что угли помешивать, чтоб лучше все прогорело… Это и было как раз именно то, что Карлейль и называл «обязанностью континентальных государств вести войны в интересах Англии», а Бисмарк не иначе, как то, что «Англия употребляла европейские государства, как отличную пехоту, как «здорового дурня» всемирной истории».

Иначе требовавшегося Великобритании т.н. «баланса сил» достичь было невозможно. Германия уже с конца XIX века все серьезней наступала Англии на пятки, т.к. ее индустриальное развитие по темпам резко опережало вторую, а военная мощь и вовсе (уже были сопоставимы даже их ВМФ). Россия же стремительно развивалась с 90-х годов XIX века и по прогнозам наиболее авторитетных западных и российских экономистов мирным путем превратилась бы в экономически и финансово господствующую над всем миром державу максимум к концу первой половины XX века. Да еще и при наличии такой трансконтинентальной территории, год от года все гуще покрывавшейся разветвленной сетью железных дорог, и самого многочисленного среди всех великих держав того времени населения.

Именно упреждая крайне опасное для нее развитие событий, Англия и пошла на это глобальное преступление против всего человечества, особенно против России. Эта «технология» достижения «баланса сил» впервые была разработана еще Фрэнсисом Бэконом (1561 — 1626), почитаемым на Западе английским философом, автором непревзойденных по своему цинизму трудов («Новая Атлантида», «Опыт», «Новый Органон», большая часть из которых в открытую была сплагиирована с трудов некоторых венецианских мыслителей), родоначальником английского материализма, видным масоном того времени (существует

немало убедительных доказательств, что именно он был главой Английского Ордена Розенкрейцеров) и одновременно одним из асов британской разведки того времени (на пару с братом).

Именно он впервые обосновал необходимость «соблюдения равновесия сил» с помощью открытых военных действий, для чего, как он считал, «всегда нужно иметь поводы, чтобы начать войну…», естественно, не первым и уж тем более не самому. И вовсе неудивительно то, что когда в Великобритании было принято решение о провоцировании мировой войны, а произошло это, в отличие от туманных утверждений КИМД, не к концу последнего десятилетия XIX века, а прямо в самом начале его — в 1890 г., — то весь посвященный в тайны глобальной мировой политики мир был оповещен об этом сугубо в масонско-разведывательной манере. 29 марта 1890 г. в зале одного из важнейших тогда железнодорожных вокзалов Берлина — Лертерском (ныне не существует) — «…чьи-то неведомые руки среди цветов поставили изображение земного шара, обернутого крепом» (последний абзац III главы «Бисмарк» раздела «Призвание» знаменитой книги всемирно известного писателя Эмиля Людвига «Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II»). Разнесенные по всему свету средствами массовой информации сведения об этом факте в переводе с масонско-разве-дывательного языка означали: Мировая война с целью пресечения идеи глобального трансконтинентального объединения Германии и России, а также их первоочередного уничтожения — объявлена!

А в сочельник того же 1890 г. принадлежавший видному британскому политическому и государственному деятелю сэру Генри Лабушеру9 еженедельный журнал «The Truth» («Правда») опубликовал антимонархический памфлет «Сон Кайзера», в котором на редкость провидчески были расписаны революционные итоги Первой мировой войны (совпали с реальностью на 95 — 97%). На приложенной к этому памфлету карте были показаны механизмы перекраивания Европы, инспирирования Второй мировой войны, а судьба России — указана как «Русская пустыня»!

При этом Германия только-только начала всерьез втягиваться в строительство дороги «трех Б», а Россия — только-только приняла решение о возможности строительства Транссиба. А мировая война объявлена.

Между тем, как показало дальнейшее развитие событий, в тот поистине трагический для судеб мира день навсегда убирали с политической арены и Германии, и Европы, и всего мира великого «железного» канцлера Германской империи — Бисмарка. «Уходили» его, хотя и в достаточной степени корыстолюбивую, но тем не менее в главном последовательно принципиальную политику, выраженную в его же чеканной формуле «на Востоке врага нет» (т.е. Россия — не враг), вследствие чего при всех своих чисто по-европейски двойственных маневрах он все же упорно держался за русско-германский договор о перестраховке от 6(18) июня 1887 г. (своего рода де-юре протопредтеча самой идеи объединения, а в будущем, уже в XX веке — также и договоров о нейтралитете и ненападении между двумя державами). Подлинная причина отставки Бисмарка заключалась в том, что с того момента уже последний кайзер Германии, полностью невежественный в делах мировой политики Вильгельм II, поддавшись уговорам своего русофобского и антибисмарковского окружения (уговоры были также не пустом месте — за их спиной откровенно маячила грязная провокация британской дипломатии, сотворенная с прямого ведома британского короля), отказался пролонгировать этот договор еще на шесть лет. Причем при совершенно ясно и четко обрисованной русской дипломатией перспективе перевести его в статус постоянного союза (но не ради объединения, столь страшившего Великобританию, а в целях обеспечения взаимной безопасности). Вместо того, чтобы сделать все от него зависящее для упрочения мира, кайзер посмел предложить Александру III «поделить мир между Россией и Германией», на что получил от российского самодержца характерный для него зубодробильный ответ: «Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш (намек на идиотские выходки кайзера на Востоке. — А.М.). Полюбуйся на себя в зеркало»…

Обобщая важнейшие события XIX столетия, можно и нужно согласиться с великим

русским поэтом Александром Блоком, который в одной из поэм охарактеризовал XIX век — веком «растущего незримо зла», где «зрели темные дела».

Но вот что особенно важно: еще в XIX веке инициировавший и по сей день нескончаемую череду незримо вызревающих русофобских по своей сути «темных дел» страх, дикий, необузданный страх перед призраком возможного объединения Веймарской Германии с СССР в некий геополитический альянс, все рычаги власти в котором будут принадлежать военным, совершенно естественным образом — с точки зрения логики соблюдения «вечных интересов» Великобритании — привел ее к единственно возможному в ее понимании варианту действий: по различным каналам обе части «двойного заговора», т.е. антигитлеровски настроенных генералов, намеревавшихся уже без фюрера поквитаться с Западом за позор и унижение Версаля, и антисталински настроенных поклонников «перманентной мировой революции» товарища Троцкого, были сданы властям по государственной принадлежности. Причем поочередно — сначала Сталину, потом — Гитлеру, иначе получилось бы несоблюдение «баланса сил» по-британски.

Потому что в тот момент «вечный интерес» Великобритании к России, хотя бы и называвшейся СССР, заключался отнюдь не в том, чтобы кто-то (или что-то) ликвидировал с таким трудом усаженного Англией в кресло рейхсканцлера Германии Гитлера вместе с его бесчеловечным режимом. Наоборот — в том, чтобы в кратчайшие сроки, поднакачав нацистскую Германию, бросить ее на Восток отрабатывать британские авансы. Ибо, как справедливо говаривали сами же нацисты еще до привода их к власти, «прирожденный враг единой России — Англия — всегда заинтересована в создании на континенте государства, которое будет в состоянии задушить Москву».

…На протяжении многих десятилетий не утихает спор о том, каким образом Гитлер оказался у власти. Прежде всего — не «оказался у власти» и не «пришел к власти», а именно же приведен к власти, потому как он был назначен на пост рейхсканцлера волевым решением президента Гинденбурга. И только потом, на последовавших мартовских выборах 1933г., являвшихся не чем иным, как трагическим фарсом демократии, он и его партия на полную мощность использовали обретенный 30 января 1933 г. «административный ресурс».

Долгое время это объясняли: на Западе — якобы изъянами несовершенной демократии Веймарской Германии (а какие «совершенства» у демократии вообще есть?), у нас — классовыми интересами капиталистов. Отчасти все это так, но не более того.

В последние 10 — 15лет с подачи британской разведки на панели исторической проституции широко распространен миф о том, что-де Сталин подсобил Гитлеру. Сказать, что борзописец, из-под пера которого этот идиотизм вылез, а его вдохновители сумасшедшие или просто подонки — все равно что похвалить. В действительности никакой загадки нет. Вспомните — какие главные силы тогда противостояли друг другу. Нацисты и коммунисты. В каком случае был бы наиболее вероятен геополитический альянс и так неплохо друживших между собой Германии и СССР, причем альянс, который был бы сцементирован также и мощными идеологическими узами? В случае прихода к власти коммунистов (кстати говоря, примерно такая же ситуация и получилась уже после войны, когда была создана давно уже канувшая в Лету Германская Демократическая Республика). В каком же случае даже то, что имелось, можно было бы спокойно похоронить? В случае, если у власти окажутся нацисты. Что, между прочим, и случилось в абсолютно точном соответствии с этой схемой.

И вот именно об этом, к тому же едва ли не на коленях, 6 декабря 1932 года Фриц фон Папен уговаривал британского посла Винсента д'Абернона. Вот и вся разгадка…

И если теперь, зная все, что было изложено на предыдущих страницах, вспомнить, что Великобритания и ее разведка по абсолютно аналогичным мотивам, совершенно не стесняясь и даже не испытывая никаких угрызений совести, веками откровенно шла на убийства Помазанников Божьих — русских царей, и не только их, если «добрый старый» Туманный Альбион, ничтоже сумняшеся, но заранее наточив, всадил-таки «февральский топор» в спину не только вернейшему союзнику, но и ближайшему родственнику своего же

короля, то что, хотя бы даже теоретически, могло сдержать «души британской прекрасные порывы» в отношении какого-то там красного маршала Тухачевского сотоварищи, вознамерившихся бросить геополитический вызов самой Великобритании?!

Тем более что прецедент с русским генералитетом у нее был. Усилиями именно британской разведки на тот свет был отправлен знаменитый русский генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843 — 1882) — герой Балканской войны, победитель турок, едва не взявший Константинополь (если бы не откровенная угроза войной, выдвинутая Лондоном, и столь сильно напугавшая царское окружение, то Царь-град уже тогда был бы российским), присоединивший военной силой Среднюю Азию (ведь это именно его ратные подвиги стали подлинной первопричиной той самой «нервозности», о которой писал в своем докладе Королевский Институт), но откровенно поскользнувшийся на антибританском в своей сути бонапартизме в пользу Франции.

А Тухачевский едва ли не один к одному повторял путь Скобелева, даже в ряде деталей биографии, начиная с имени, только с красным оттенком. Даже посмертные версии, объясняющие их трагический конец, похожи как две капли воды — в обоих случаях они носят ярко выраженный антигерманский характер, хотя, если честно, Германия тут ни при чем.

В апогее своего восхождения на Голгофу «вечных интересов» Великобритании Тухачевский заявит германским генералам весной 1936 г.: «…Если Германия изменит свою позицию (т.е. если генералы уберут бесноватого фюрера. — А. М.), ничто не помешает дальнейшему советско-германскому сотрудничеству, как это было тогда, когда в прошлом обе страны ощущали преимущества своей дружбы, ведь тогда они могут диктовать свои условия всему миру». И тем самым подписал себе смертный приговор, потому что именно с весны 1936 г. давно наблюдавшая за ним британская разведка начала — судя по всему, не без прямого влияния пронацистски настроенного, едва ли не всем сердцем обожавшего Гитлера английского короля Эдуарда VIII, — многоходовую операцию по разоблачению двойного заговора советских и германских генералов, нацелившись прежде всего на последовательную, аргументированную и документально обоснованную дискредитацию в первую очередь именно Тухачевского в глазах Кремля. Но упаси вас Господь даже от тени намека на мысль, что-де в Интеллидженс Сервис все разом ударились в марксизм, возлюбили Сталина или, того хуже, что-де Сталин был слепой игрушкой в ее интригах.

Чрезвычайно трагично, но тем не менее до тривиальности банально все обстояло совсем иначе. Как увидим из дальнейшего расследования, Англия, как гласят ее же секретные документы, ожидала войны, большой войны не позднее 1938 г. Причем войны именно между Германией и СССР, и будучи прирожденным врагом России, буквально жаждала руками именно нацистов задушить гиганта на Востоке. Заговор же, в случае успеха, разрушил бы все ее планы по стравливанию Германии и СССР и развернул бы объединенную мощь двух государств против Великобритании. А к этому дуэту должна была подсоединиться и Япония, в которой с февраля 1937 г. одерживали вверх мощные, евразийски настроенные силы, венцом усилий которых стал приход к власти в июне того же года правительства принца Коноэ, находившегося под сильным влиянием и контролем знаменитого Рихарда Зорге и лучшего агента в его резидентуре, сотрудника японских спецслужб — Ходзуми Одзаки. А ведь Коноэ к тому моменту был уже давно сформировавшимся — еще со времен Версальской мирной конференции — антиатлантистом и убежденным евразийцем. Поэтому-то в первую очередь и был сдан именно заговор Тухачевского, как центральное звено намечавшегося к реализации геополитической комбинации Берлин — Москва — Токио, более всего страшившей Великобританию. Черчилль ведь и во время войны открыто признался Сталину, что более всего в Лондоне опасались именно германо-русско-японского союза. Кроме того, совершенно очевидно, что британская разведка всерьез рассчитывала на неминуемое ослабление военной мощи СССР в результате неизбежных репрессий против высшего командного состава. В итоге и нацистам облегчилось бы решение задач уничтожения СССР — ведь весь расчет сводился к тому, что

сразу замену высшему командному звену не найти. Для этого при любых обстоятельствах нужно немалое время. А война между тем была запланирована Великобританией на 1938 г. — Чемберлен тогда буквально из кожи лез, едва ли не пинками толкая Гитлера на агрессию против СССР.

Британская разведка прекрасно знала — к сожалению, с помощью товарища Троцкого ушей и глаз у нее хватало в высшем кремлевском эшелоне с самых первых дней советской власти, — что Сталин и сам давно идет по следам этого заговора, и потому «сливала» информацию о нем что называется «на ура». Но и Сталин прекрасно знал из донесений разведки, что Великобритания с нетерпением ждет войны между гитлеровской Германией и СССР не позднее 1938 г., и не только ждет, но и все делает для этого. Однако он не только знал, но и обладал всей полнотой многократно перепроверенной информации о заговоре.

Уже очень много лет кряду в качестве одного из главнейших признаков «хорошего тона» в оголтелом антисталинизме принято ерничание по поводу его, Сталина, якобы имевшего место недоверия к разведывательной информации. Очень часто со ссылкой на очередного в предвоенные годы предателя А. Орлова (Лейба Лазаревич Фельдбин) приводятся данные о том, что Сталин неоднократно предупреждал руководителей советской разведки о том, чтобы они воздерживались бы от всевозможных предположений и гипотез. Приводится следующее его выражение: «Гипотеза в разведке может превратиться в вашего конька, на котором вы приедете прямо в устроенную вами же самими ловушку. Не рассказывайте мне, что вы думаете, дайте мне факты и источник». В отношении чего, собственно говоря, тут ерничать, коли все, что он сказал — более, чем сущая правда — золотое правило, которого жестко придерживается любая разведка мира. А ведь он и располагал фактами, проверенными фактами и давно — задолго до 1937 г. И вот обладая всей полнотой проверенной и многократно перепроверенной информации, Сталин, что называется, лоб в лоб столкнулся с традиционным для России при любых режимах вопросом: что делать? С одной стороны — совершенно реальная угроза войны, с другой — не менее реальная угроза заговора военных дома. И вопрос из дилеммы немедленно перерос в трилемму — из двух зол необходимо было выбирать третье. Потому что уж что-что, но недавнюю историю о том, как подлейшим образом русские генералы в феврале 1917г. предали своего царя, Сталин прекрасно помнил и повторять печальную участь Николая II не собирался!

Точная, абсолютно точная разведывательная информация, в т.ч. и о том, что нападение все-таки пока не произойдет, позволила ему в самый последний момент ликвидировать мятеж, назначенный на 12 мая 1937 г.

А теперь вопрос: кто и как вложил в голову Тухачевского бредовую идею о том, что-де он, какой-то там красный маршал, имеет право от имени России помышлять диктовать свои условия всему миру?

Глава II.

«В глубине всякой груди есть своя змея»

Вещи, которые в принципе дурны в начале, редко завершаются добром в конце.

Древнеримская пословица

Парадоксально, но факт, что как только речь заходит о глубинных корнях «дела Тухачевского», то при абсолютно точном указании основных фактов и событий, в части, касающейся ответственных, совершенно непонятным образом впереди оказывается именно тот «Федот», который в действительности не тот…

Еще более ошеломляющий парадокс состоит в том, что подлинные ответственные, в действительности не только давно и широко известны, но никогда и не скрывали, что именно они-то и есть те самые Федоты.

Посудите сами. С тех пор как приоткрылись архивы прошлого, все серьезные исследователи в качестве исходной точки «дела Тухачевского» справедливо указывают начало реализации идеи сотрудничества РККА с германским рейхсвером в сочетании с Рапалльским договором от 16 апреля 1922 г. между Веймарской Германией и РСФСР. А вот далее начинается непонятное. Потому как в качестве первого произнесшего «А» с нашей стороны обычно указывают Карла Бернгардовича Радека (настоящая фамилия Собельсон) — «гениального авантюриста в большой политике», обладавшего «умнейшей и хитрейшей головой своего времени». С германской же — знаменитого генерала Ганса фон Секта по прозвищу «Сфинкс», одну из светлейших голов германского Генерального штаба 20-х годов XX века, именуемого в последние годы не иначе, как «неизвестный друг России».

За этими прелестными, на первый взгляд, и прочно вошедшими в научно-публицистический оборот дефинициями как-то само собой из поля зрения выскальзывает главное — они действительно стояли у истоков реализации идеи сотрудничества. Но у этого никоим образом не оспариваемого факта есть ведь и оборотная, теневая сторона. Ее суть в вопросах: кто же стоял у истоков возникновения самой идеи сотрудничества двух армий, а затем и государств; кто на самом деле, на какой текущей и исторической базе, с какого конкретно импульса сгенерировал общий замысел этой идеи, во имя каких целей сгенерировал вообще, исходя из каких соображений пытался подкорректировать изначальный замысел в зависимости от развития мировой ситуации, в т.ч. и в первую очередь в Европе; кто конкретно разработал конструкцию этого замысла; кто и каким конкретно содержанием, особенно на этапе становления этого сотрудничества, в какой конкретно последовательности, от чего конкретно зависевшей последовательности пытался наполнить эту конструкцию соответствующим духом и смыслом?

А вот тут-то и начинается самое интересное, потому как утверждая, что британская разведка приступила к разоблачению заговора Тухачевского за 20 лет до того, как он едва не стал реальностью, поневоле приходится считаться с тем, что т.н. факт сотрудничества двух армий и государств на самом деле был прикрытием для куда более глобального замысла с изначально предсказуемыми негативными для обеих сторон последствиями, а также и для всего мира. Тем более что это и в самом деле было так — британская разведка отнюдь не та организация, которая реагирует на каждую беседу или беседы какого-то там Ганса с каким-то там Карлом. Уж если она изначально встала в боевую стойку — то это означает, что причины для этого у нее были более чем весомые.

И потому для начала априори, но придется признать, что к зарождению такого глобального замысла ни Радек, ни Сект в действительности не имели никакого отношения. На этапе уже первичного обсуждения предварительных контуров замысла — да, они уже были, что называется, при том, но в момент генерирования идеи — нет.

Потому что обе головы были в первую очередь незаурядными прагматиками, но отнюдь не теоретиками высшего класса, способными на глобальный полет мысли, на генерирование взбудоражившей основные центры силы тогдашнего мира идеи.

Хотя и «гениальный», с чем в принципе можно согласиться, но только с применением кавычек, Карл Радек и впрямь был чертовски ловок, но тем не менее авантюрист, т.е. если строго по смыслу этого французского по происхождению слова, человек, склонный к приключениям, похождениям, рискованным начинаниям, сомнительным в смысле честности предприятиям, рассчитанным на случайный успех, к делам, предпринимаемым без учета реальных сил и условий, обреченных на провал и неудачу.

Он и в действительности был таковым: еще до «революции» в России засветившись в полицейских сводках своим участием в делах польской, германской, австрийской и российской социал-демократий, он отовсюду был изгнан с колоссальным треском именно за авантюризм, а также мошенничество, поскольку обоснованно подозревался в воровстве партийных касс (для «борцов за народное счастье» это было отнюдь не редкостью — даже работавшая с Лениным германская разведка и то с горьким сожалением сетовала на безудержное воровство отпускаемых для подрывных целей денег), за что и получил звонкую

кликуху «КРАДЕК». Еще более откровенно и обоснованно подозревался в агентурном сотрудничестве с германской и австро-венгерской разведками (в принципе, исходя из менталитета социал-демократии вообще и революционного движения в Европе в частности, это не было чем-то из ряда вон выходящим — беспрецедентно плотная нашпигованность их рядов агентурой разведок и полиций различных стран, а также различных тайных обществ еще со времен К.Маркса была притчей во языцех), открыто, фактически в роли субагента влияния сотрудничал с одним из крупнейших агентов влияния германской разведки того времени — Александром Лазаревичем Гельфанд-Парвусом и его личными двойными агентами — Георгом Складцем и Карлом Моором. Прекрасно знавший об этом и сам сотрудничавший как с немцами, так и с ними, В.И.Ленин, когда возникала «революционная потребность», брал под защиту «Крадека».

Едва ли не в точном соответствии с вышеприведенным смыслом слова «авантюрист», 12 февраля 1919г. «Крадек» угодил в берлинскую тюрьму Моабит за прямое участие в очередной авантюре: направленный еще в конце 1918 г. по указанию Ленина в Германию, «Крадек» пытался организовать очередное кровавое бузотерство в этой стране — т.н. «спартаковское восстание», окончившееся, как и следовало ожидать, грандиозным провалом и потоками крови, а лично для него — заключением в кутузку по обвинению как в революционном бандитизме, так и в причастности к убийству Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

И на первых порах, до лета 1919г., Крадек содержался в условиях жесткой изоляции, во всяком случае, все известные источники с особой силой напирают именно на это обстоятельство…

И вот там, в условиях строгой и жесткой изоляции, он якобы и «проявил чудеса политической ловкости», превратив тюремную камеру в «политический салон», в котором принимал чуть ли не всю политическую, экономическую и военную элиту озверевшей от фатального поражения в Первой мировой войне Германии, с представителями которой и обсуждал идею будущего сотрудничества.

И рад бы поверить в этот «гениальный авантюризм», да только вот как же быть с тем, что, будучи упрятанным за решетку за прямое участие в прокоммунистических беспорядках, он, иностранец, гражданин ненавистной к тому времени всей Европе, в т.ч. и Германии, Советской России, еврей по национальности, коммунист, а тогда два этих параметра во всей Европе воспринимались только через знак равенства — еврей=коммунист, и наоборот, коммунист=еврей, — остался жив, хотя те беспорядки, в которых он принимал деятельное участие, подавлялись с такой жестокостью, что один из организаторов этого подавления получил от левых печальное прозвище «кровавая собака Носке»?! Я уж не говорю о том, что демонстрации спартаковцев тогда разгонялись не столько пулеметами, сколько шашками, т.е. попросту рубили людей, как капусту… — свидетельство, надо сказать, очень авторитетного источника: самого Ф.Э. Дзержинского, лично наблюдавшего подобные картины…

Как быть со всем этим, если евреев тогда убивали в первую очередь, если всех еще только заподозренных в прокоммунистических или проспартаковских симпатиях убивали тоже в первую очередь, причем сначала убивали, а уж потом, если оставалось время и, самое главное, желание, то интересовались, кого же все-таки шлепнули?!

Как быть со всем этим, коли он остался жив, хотя взяли его, что называется, с поличным, да еще и по подозрению в таком тяжком преступлении, как убийство, хотя и крайне ненавистных той же «кровавой собаке» Носке Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но ведь граждан же Германии?!

При таких обстоятельствах избежать жестокой расправы прямо на месте не сможет даже самый гениальный авантюрист — в этом трагическая особенность массовых беспорядков в период т.н. «революций».

И вот в такой-то ситуации он не только остался жив и здоров, но и еще и проявив «чудеса политической ловкости», превратил свою тюремную камеру строгой изоляции в

«политический салон» для обсуждения с высшими представителями германской элиты глобальной идеи — ну право же, при всем искреннем уважении к талантам евреев не следует делать из тех же немцев круглых идиотов!

Потому что для того, чтобы поднять такие серьезные вопросы или хотя бы просто выйти на связь с той же германской элитой, не говоря уже о том, чтобы она еще и выслушала его, «Крадека», с его-то давно сгнившей репутацией и пухлейшим досье в германской полиции, — прежде всего необходимо было каким-то образом вынудить германские власти хотя бы «закрыть глаза» на все его «художества» по части «революционного» бандитизма. Т.е. попросту говоря, ситуация была явно не в его пользу — что бы он ни попытался произнести, реакция была бы однозначной: пытается увильнуть от ответственности, спасает свою шкуру.

Мягко говоря, не самое лучшее начало для серьезнейшего разговора, как, впрочем, и сама тюрьма строгой изоляции также отнюдь не самое идеальное место как для генерирования глобальных идей (ведь не до идеи же было, шкуру спасать надо было!), так и для авторской инициации диалога с элитой государства, за подрыв устоев которого его и упекли в кутузку!

Зато сколь же идеально это место вообще — тюрьма как таковая, со всеми строгостями и высокими стенами, за которыми ничего не видно, что происходит в камере некоего арестанта по кличке «Крадек», и сколь же идеальна даже сама формулировка его упрятывания в кутузку в целях сокрытия от посторонних глаз и ушей самого факта начала особо секретных переговоров по особо важной геополитической проблеме.

Действительно, идеальней и не придумаешь, если, например, исходить из того, что главной целью «революционной командировки» «Крадека», этого «гениального авантюриста с умнейшей и хитрейшей головой в большой политике своего времени», была не столько даже организация убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург во имя удовлетворения «пролетарских амбиций» заделавшегося «мировым вождем» бывшего дворянчика Ульянова-Ленина, сколько организация того же убийства как прямой аванс — прелюдия к будущему серьезному разговору, ради которого он и должен был якобы сесть в тюрьму. Есть все абсолютно серьезные основания рассматривать его комфортабельную «отсидку» как часть очень хитроумного совместного плана германской разведки, наиболее авторитетных и влиятельных представителей тайной дипломатии Германии, некоторых германских тайных обществ и верхушки большевиков.

Потому что незадолго до его командировки в Германию там напрочь и полностью провалилось со своей подрывной «революционной» деятельностью целое советское посольство во главе с давно находившимся под наблюдением психиатров А.А. Иоффе (лично Зигмунд Фрейд пользовал будущего революционера-посла), у которого было все — и люди, и мешки с золотом, с бриллиантами, с валютой, и в изобилии подрывная литература на немецком языке, и явки, и связи в левых кругах, и даже оружие, которое, ничтоже сумняшеся, раздавали прямо в посольстве. И тем не менее еле ноги унесли из Германии.

И что же, «Крадек», выходит, в одиночку должен был делать то, что не смогла сделать целая свора присланных из Москвы и не одну «собаку съевших» на «революционном» бандитизме опытнейших подпольщиков?! Нет, не за этим «Крадека» отправляли в Германию. Цель его командировки в охваченную «революционной смутой» побежденную страну была именно такой, как она указана выше. А что за этим стоит — об этом чуть ниже. Сейчас о генерале Гансе фон Секте.

Личность действительно примечательная, прагматичная, корыстно исповедовавшая главную заповедь не менее корыстного «железного» канцлера Германии — Бисмарка: «На Востоке врага нет!» Странным образом его смерть в конце 1936 г. и особенно его знаменитое завещание крайне резким образом интенсифицировали и сам заговор, тайную подоплеку которого мы расследуем, и действия британской разведки по его «раскрытию», и, соответственного, действия Сталина по ликвидации заговора и т.д.

Но тогда, за семнадцать лет до его смерти, очень трудно представить себе, каким же

образом даже его светлейшая голова могла стать той самой, генерирующей глобальную идею «мощностью», особенно если принять во внимание следующие обстоятельства: во— первых, генерал почти всю Первую мировую войну провел за пределами Германии; тем более ее последний этап, когда заигрывание германского Генштаба и германской военной разведки с большевиками от слов перешло к практическим делам -с конца 1917 г. по ноябрь 1918 г. Ганс фон Сект находился на посту начальника Генерального штаба турецкой армии; во— вторых, вернувшись в Германию и, естественно, далеко не сразу войдя в курс всего того, что тогда творилось у него на родине, он тем не менее вынужден был принимать самое активное участие в ликвидации всех тех «художеств», что были сотворены, в т.ч. и при участии «Крадека»; в— третьих, он ненавидел революционеров всех мастей -хоть социал-демократов, хоть коммунистов. К евреям, правда, относился вполне лояльно, ибо сам был женат на еврейке по имени Доротея; в— четвертых, как управляться с этой, политически никак не предсказуемой публикой, особенно по части крупных интриг с ней, -он еще тоже не знал, во всяком случае в достаточной мере; в— пятых, он был типичным немецким потомственным военным и никогда не торопился с идеями, тем более глобальными. Испокон веку немцы тем и славились, что всегда являли собой народ обстоятельный, неспешный, деловитый, тщательный, чрезвычайно аккуратный, очень педантичный, вследствие чего наполеоновский образ мышления -«сначала ввяжемся в бой, а там видно будет» — никогда не являлся предпочтительным в немецком национальном самосознании; в— шестых, даже если бы он и захотел что-либо сделать по-наполеоновски, то и в этом случае, в части касающейся генерирования глобальной идеи и ее углубленной проработки в переговорах с «Крадеком», подобное предположение лишено смысла, потому что лицом, могущим что-либо ответственно выдвинуть на рассмотрение, он стал только 28 июня 1919 г. -именно в этот день ему было поручено исполнение обязанностей начальника гепманского Генштаба (между прочим, этот день не что иное, как дата подписания Версальского «мирного» договора»), а начальником «Всеобщего воинского бюро», под вывеской которого укрылся официально распущенный Генштаб, и вовсе 7 июля 1919г.

Между тем для того чтобы вести такие переговоры — о сотрудничестве армий, например, — необходимо было досконально знать не столько даже сам текст договора (440 статей на 208 страницах), сколько бесчисленное количество всевозможных положений, разъяснений, инструкций и т.п., по рукам и ногам связывавших Германию.

Но в то же время Ганс фон Сект принадлежал к тому наиболее влиятельному еще со времен кайзеровской Германии узкому кругу высшего офицерского состава, чье кредо было сконцентрировано в девизе: «Честью прусского офицера было быть корректным, а честь немецкого офицера должна заключаться в том, чтобы быть коварным». Однако, как это ясно и без всяких объяснений, одного коварства более чем недостаточно. Правда, история не раз подтверждала, что случай помогает, но давно уже установлено, что если и помогает, то только подготовленному уму. В таком смысле его ум действительно был подготовлен коварством, но к восприятию импульсов, шедших от более подготовленных и еще более коварных умов. Что, кстати говоря, и имело место в действительности — на пост начальника официально распущенного германского Генштаба он пришел весьма подготовленным с должности военного эксперта германской делегации на версальской конференции.

Существующая ныне аксиома, в силу которой все обычно списывают на Версальский «мирный» договор, которым Германия действительно была унижена, раздавлена и ограблена, в действительности — ничего не объясняет. Хотя формально посыл верный, но только вот как быть с тем, что переговоры с «Крадеком» начались раньше подписания Версальского «мира». Причем начались именно плотные, интенсивные обсуждения и переговоры о том, как быть дальше двум изгоям тогдашней современности — Веймарской Германии и Советской России.

Соответственно выходит, что ракурс обсуждения накопившихся тем могли задать только те лица, которые в полной мере осознавали, что предметом переговоров должна стать альтернатива версальскому унижению. Они должны были не менее ясно понимать, что

основой переговоров должна стать платформа, имевшая идущее из прошлого интеллектуальное обоснование, подкрепленное в прошлом практическими делами, но в то же время и имеющее все черты т.н. «благородного» шантажа, гремучие последствия которого ясно понимал бы и сам контрпартнер.

При этом похабный Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г. не мог использоваться в качестве исходной точки, ибо одним из главных условий капитуляции Германии в Первой мировой войне было немедленное его аннулирование в упреждающем капитуляцию порядке. В «лучшем случае» он мог иметься в виду чисто теоретически. Кроме того, эти лица должны были точно знать, с кем они имеют дело, т.е. что из себя представляет контрпартнер по переговорам, какие конкретно силы он представляет, каковы его интеллектуальные способности в плане адекватного восприятия предлагаемого и точного донесения содержания переговоров и достигнутых договоренностей до своего руководства. Наконец, эти лица должны были обладать хорошо развитыми навыками и опытом тайной дипломатии, в том числе и по части закулисных тайных переговоров и интриг, особенно с такой «публикой», которую представлял Карл Бернгардович Радек. Иначе серьезного диалога могло бы и не получиться — в конце концов «Крадек» сидел в берлинской «кутузке», а не они в московской.

Если суммировать все необходимые требования, то подлинными авторами идеи о т.н. сотрудничестве двух изгоев послевоенной Европы (в первую очередь их армий), подлинными инициаторами тайных переговоров должны были стать именно те, кто был не только превосходно подготовлен интеллектуально, но и обладал бы колоссальным опытом закулисной деятельности, в т.ч. и проведения тайных, многоходовых и долговременных операций, особенно же на стыке разведки, дипломатии и политики. Эти люди должны были в мельчайших деталях знать тайную историю недалекого прошлого, располагать необходимыми связями и влиянием в различных кругах общества для последующего проведения в жизнь достигнутых договоренностей, и в то же время обладать непререкаемым в глазах тех, кого представлял Радек, авторитетом, который уже только одним фактом своего существования понуждал бы и самого Радека, и особенно стоящие за ним силы в Москве к адекватному восприятию обсуждавшейся проблемы и достигнутых договоренностей. Последнее было особенно важно для прагматичных немцев, ибо они-то прекрасно знали подлую манеру Ленина — ведь именно его и представлял Радек — интриговать буквально на пустом месте, выцыганивая не всегда понятные для немцев выгоды для себя.

Именно так все и произошло в реальности. Через 21 год после описываемых событий один из тех, о ком пойдет речь, выдающийся германский геополитик и конспиролог, военный разведчик, генерал-майор Карл Хаусхофер в одном из самых знаменитых своих трудов «Континентальный блок: Центральная Европа — Евразия — Япония» (1940) напишет о тех событиях, а также о лицах участвовавших в них следующее: «И когда после войны (т.е. после Первой мировой войны. — А. М.) один из наших наиболее значительных и страстных политических умов, Брокдорф-Ранцау, захотел вновь ухватиться за нить, и я был причастен к этому, то с русской стороны такую линию распознали две личности, с которыми и пытались готовить для нее почву» (курсив мой. — А.М.